ЛѢТОПИСЬ

ПРОИСХОДЯЩИХЪ

ВЪ РАСКОЛѢ СОБЫТІЙ

за 1894 годъ.

МОСКВА.
Типографія Е. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1894.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 5, 7, 8, 12, 16, 17, 18 и 20 журнала «*Братское Слово*» за 1894 г.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 23-го декабря 1894 года.
Цензоръ священникъ *Іоаннъ Петропавловскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Подвиги современныхъ героевъ раскола — Мельниковыхъ: объясненіе неимовѣрной ихъ дерзости; подвиги московскіе, въ союзѣ съ московскими „братчиками“, стародубскіе, измаильскіе, по письмамъ очевидцевъ 1

2. Къ предыдущему сказанію о подвигахъ Мельниковыхъ: адресъ имъ отъ московскихъ „братчиковъ“, извѣстія объ измаильскихъ дерзостяхъ. — Замыслы измаильскихъ раскольниковъ. — Нѣчто о Савватіи и его попахъ. — Любопытное письмо Анастасія къ Силуану 16

3. Паки и паки о Мельниковыхъ. — Необходимая поправка. — Судъ надъ героями раскола. — Похвальное посланіе Анастасія къ родителямъ сихъ героевъ 29

5. Недовольство раскольниковъ обнародованіемъ Анастасіева письма о мнимыхъ раскольническихъ мощахъ. — Ругательная тетрадка, изданная раскольническими „братчиками“. — Съѣздъ раскольниковъ-поповцевъ подъ Москвой и неудачная попытка ихъ достигнуть примиренія 38

6. Болѣе точныя извѣстія о Люблиновскомъ съѣздѣ. — Новый лжеепископъ у раскольниковъ. — Размноженіе подпольныхъ раскольническихъ изданій. — Кому дозволяется ими пользоваться, и кому не дозволяется 61

7. Кое-что о заграничныхъ раскольникахъ. — Аѳанасій и Анастасій. — Радостное событіе у московскихъ мнимоокружниковъ. — Конецъ тяжелаго года и нѣсколько скорбныхъ мыслей по сему поводу 68

Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій.

1. Подвиги современныхъ героевъ раскола — Мельниковыхъ: объясненіе неимовѣрной ихъ дерзости; подвиги московскіе, въ союзѣ съ московскими «братчиками», стародубскіе, измаильскіе, по письмамъ очевидцевъ.

Въ недавнее время начинать и кончать нашу ежегодную «Лѣтопись» намъ приходилось большею частію сказаніями о подвигахъ ради темнаго раскола, совершавшихся тогда прославленнымъ раскольниками героемъ ихъ — Онисимомъ Швецовымъ. Но теперь г. Швецовъ почему-то нашелъ удобнѣйшимъ проживать уединенно въ своемъ Безводномъ, избѣгая публичности; публичную же дѣятельность въ качествѣ защитниковъ и распространителей раскола предоставилъ своимъ ученикамъ, усвоившимъ его главныя лжеученія, точнѣе ереси, и его методу, или способы защищать расколъ. Изъ этихъ учениковъ Швецова особенно выдвинулись въ послѣднее время своею неимовѣрною дерзостью въ нападеніяхъ и клеветахъ на церковь, поощряемые къ тому прочими сторонниками Швецова, два молодые крикуна — братья Мельниковы, дѣти стараго раскольническаго лжепопа въ Новозыбковѣ — Еѳима Мельникова. Подвигами этихъ современныхъ «героевъ» раскола, намъ и приходится начать «Лѣтопись» новаго года.

Отличительную черту сихъ юныхъ ратоборцевъ раскола составляетъ, какъ мы сказали, рѣдкая даже среди раскольниковъ дерзость, съ какою они публично поносятъ православную церковь, особенно правительство духовное, и даже не духовное. Такое поведеніе Мельниковыхъ можно бы, конечно, объяснять ихъ молодостью, свойственной ихъ возрасту горячностью; но мы видимъ, что оно поощряется самими ихъ

руководителями, людьми совсѣмъ не молодыми, — ихъ ободряетъ къ дерзости и отецъ, старый, хитрый раскольникъ, ободряютъ и московскіе братчики съ своимъ Бриліантовымъ, и извѣстный наперсникъ Швецова, попъ-ругатель Димитрій Смирновъ, и конечно самъ Онисимъ Васильевичъ Швецовъ. Значитъ, принятый Мельниковыми (и не ими только) способъ защиты раскола посредствомъ дерзкихъ ругательствъ на церковь, не случайность, а принятъ обдуманно, съ намѣреніемъ и съ общаго одобренія единомышленниковъ, т.-е. всего современнаго швецовскаго старообрядчества. И это понятно, — этому можно вполнѣ вѣрить. Раскольники австрійскаго согласія хорошо поняли, что честными способами, спокойнымъ и непредубѣжденнымъ разсмотрѣніемъ вопросовъ разномыслія между расколомъ и церковію, теперь, при существующемъ полномъ раскрытіи несостоятельности раскола, защитить его нельзя, и что желающимъ во что бы то ни стало, хотя бы и противъ совѣсти, оправдать расколъ остается одно — уклоняясь отъ серіозныхъ и спокойныхъ собесѣдованій о вопросахъ разномыслія, выводить православнаго собесѣдника изъ терпѣнія дерзкими отзывами о православной церкви, вынуждать его къ напоминаніямъ о законѣ, наказующемъ за такія дерзости, особенно же вынудить къ приглашенію полицейской власти для обузданія ругателей. Это послѣднее всего желательнѣе такимъ защитникамъ раскола, какъ Мельниковы, этого всего болѣе стремятся они достигнуть, чтобы публично и съ торжествомъ провозгласить (какъ не разъ и провозглашали), что-де имъ, старообрядцамъ, не даютъ говорить всего, чѣмъ они могутъ обличить мнимое паденіе церкви, что имъ нѣтъ свободы защищаться, а сама церковь, безсильная якобы доказать свою правоту, защищается только полиціей, сажаньемъ въ тюрьмы и ссылкой своихъ обличителей. Могутъ замѣтить, что за свои дерзости г-да, подобные Мельниковымъ, и въ самомъ дѣлѣ рискуютъ попасть въ тюрьму и ссылку, что значитъ они дѣйствуютъ такъ не изъ расчетовъ, а съ нѣкотораго рода самоотверженіемъ, съ готовностью пострадать за то, что почитаютъ истиной и святыней. Правда, бывали въ расколѣ фана-

тики, прямо вызывавшіеся на мнимыя страданія за свою вѣру; но Мельниковы и имъ подобные ревнители австрійщины совсѣмъ не изъ числа такихъ, — напротивъ, въ томъ все и дѣло, что они смѣло разсчитываютъ на безнаказанность своихъ дерзкихъ ругательствъ на церковь, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что нынѣшній милостивый (но правый ли?) судъ, предъ которымъ они такъ желали бы предстать и повторить свои издѣвательства надъ церковью, оправдаетъ ихъ, признаетъ ни въ чемъ невинными, и выйдя съ торжествомъ на полную свободу, они пріобрѣтутъ еще отъ своей братіи-раскольниковъ прославленіе, какъ страдальцы за вѣру. Такимъ образомъ для нынѣшнихъ раскольниковъ самыя дерзкія ихъ выходки противъ церкви, сама наглая ложь и брань на нее, публично произносимыя, не только безопасны, но приносятъ и славу и большія выгоды. Мельниковы отлично это поняли, — и этимъ именно объясняется ихъ неимовѣрная дерзость на публичныхъ бесѣдахъ съ православными повсюду, гдѣ бы ни явились они. Увѣренность же въ полной безнаказанности всѣхъ направленныхъ противъ церкви дѣйствій, они, какъ и всѣ нынѣшніе раскольники, основываютъ на многочисленныхъ опытахъ полнаго оправданія нашими милостивыми, или скорѣе либеральными, судами даже несомнѣнно преступныхъ раскольническихъ дѣяній. Особенно вреднымъ въ этомъ отношеніи должно признать извѣстное оправданіе Швецова Кіевскою Судебною Палатой, которая не только признала Швецова ни въ чемъ не виноватымъ, но и сама услаждалась, читая въ его прошеніяхъ, слушая въ его рѣчахъ клеветы и брань на церковь. Понятно, что Мельниковы стремятся подражать особенно примѣру своего учителя: торжество, съ какимъ этотъ раскольническій ересіархъ вышелъ изъ суда, всего больше поощряетъ ихъ на всевозможныя дерзости противъ церкви.

А что дерзости Мельниковыхъ, подвизающихся главнымъ образомъ въ Стародубьѣ, превосходятъ всякую мѣру, объ этомъ свидѣтельствуютъ письма съ самаго мѣста ихъ подвиговъ, которымъ мы имѣемъ тѣмъ болѣе основанія вѣрить,

что и въ самой Москвѣ имѣется множество свидѣтелей ихъ неистовой брани на церковь. «Очи ушію вѣрнѣйши суть и паче слуха видѣніе», — а Москва дѣйствительно видѣла любопытные образчики дерзостей одного изъ этихъ раскольническихъ героевъ, Ѳедора Мельникова. Его, какъ именно современнаго героя своего, пригласили сюда, надобно полагать, «братчики» — Бриліантовъ, Смирновъ и прочіе, въ сопровожденіи которыхъ онъ и явился на таганскія бесѣды: вотъ здѣсь-то православный народъ, во множествѣ посѣщающій эти бесѣды, и былъ свидѣтелемъ неистовыхъ криковъ, въ высшей степени дерзкихъ, хотя и глупыхъ, ругательствъ на церковь, которыя до крайности возмутили народъ, не слыхавшій дотолѣ ничего подобнаго даже и отъ раскольниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самое уже появленіе этого юнаго раскольническаго ратоборца, такъ сказать, на столичной аренѣ, есть событіе весьма знаменательное: оно свидѣтельствуетъ съ одной стороны о неимовѣрной дѣйствительно смѣлости и наглости этого юнца, а съ другой — объ увѣренности мѣстныхъ, московскихъ раскольниковъ австрійскаго согласія, и именно окружниковъ, имѣющихъ почему-то особыя привилегіи, — объ увѣренности, что теперь имъ — окружникамъ въ Москвѣ можно дѣлать все, что̀ угодно, ибо они заручились покровительствомъ кое-кого, что поэтому могутъ выпускать напоказъ и такихъ оскорбителей православной церкви, какъ наглые мальчишки, возведенные ими въ героевъ. Московскіе подвиги Мельникова сопровождались и другими обычными принадлежностями. Такъ при первомъ напоминаніи — держать себя спокойнѣе и скромнѣе, онъ уже кричалъ, что его стращаютъ полиціей, не даютъ говорить всю правду о никоніанахъ. Такъ потомъ всѣ выходки его противъ церкви, поражавшіе безпристрастныхъ свидѣтелей пустотой и даже глупостью, провозглашены, по раскольническому обычаю, великимъ торжествомъ раскола и пораженіемъ церкви. Ѳеимъ Мельниковъ, сопровождавшій сына въ Москву и присутствовавшій на таганской бесѣдѣ, воротясь въ Новозыбковъ, сталъ разсказывать повсюду въ стародубскихъ посадахъ, что якобы его «Ѳедя заградилъ уста

всѣмъ московскимъ миссіонерамъ и самому Павлу Прусскому» (а о. архимадритъ Павелъ не думалъ и возражать на пустыя рѣчи Ѳедора Мельникова, ибо имѣетъ обычай входить въ бесѣду только тогда, когда видитъ нужду разъяснить какой-нибудь достойный вниманія вопросъ), — что его «Ѳедю московскіе старообрядцы за это на рукахъ вынесли съ бесѣды». Не знаемъ, на рукахъ ли вынесли «братчики» этого «Ѳедю», но то несомнѣнно, что они также повсюду кричатъ объ его побѣдѣ надъ миссіонерами, и потомъ составили и отправили къ нему благодарственный адресъ за эту мнимую побѣду. А самъ Ѳедоръ Мельниковъ изложилъ свою московскую бесѣду, и въ этомъ изложеніи, конечно, представилъ себя побѣдоноснымъ защитникомъ раскола: его твореніе братчики, разумѣется, напечатаютъ (если уже не напечатали) на своихъ подпольныхъ станкахъ и будутъ распространять повсюду, пользуясь все тѣмъ же покровительствомъ столичныхъ властей...

Такимъ образомъ въ Москвѣ юный Мельниковъ, со своими неюными покровителями, продѣлалъ все обычнымъ для него порядкомъ и показалъ себя москвичамъ во всей своей красѣ. А видѣнное въ Москвѣ служитъ для насъ вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за справедливость тѣхъ извѣстій о подвигахъ братьевъ Мельниковыхъ въ Стародубьѣ и другихъ мѣстахъ, какія сообщаются въ письмахъ оттуда. Этими любопытными письмами мы и намѣрены теперь воспользоваться.

Начнемъ съ письма о прошлогоднихъ бесѣдахъ Мельниковыхъ въ Новозыбковѣ съ миссіонеромъ о. І. Рябухинымъ. Мѣстные раскольники австрійскаго толка, какъ и московскіе «братчики», старались повсюду распространять слухъ о совершенной якобы побѣдѣ Мельниковыхъ надъ этимъ миссіонеромъ. Слухъ этотъ дошелъ до бессарабскихъ раскольниковъ, которые начали толковать и хвалиться предъ православными, что въ Стародубьѣ какіе-то «отроки» вполнѣ оправдали расколъ. По этому случаю одинъ изъ живущихъ здѣсь, въ Бессарабіи, бывшихъ старообрядцевъ, а нынѣ сынъ православной церкви, Агаѳонъ Ѳедоровичъ Бородиневскій, пожелалъ имѣть

точныя свѣдѣнія, что̀ это за «отроки», и какая бесѣда была у нихъ съ миссіонеромъ, — за этими свѣдѣніями онъ обратился именно къ своему старому пріятелю въ Воронкѣ, Леонтію Григорьевичу Алейнову, не безызвѣстному и нашимъ читателямъ ревнителю церкви. Л. Г. Алейновъ отвѣтилъ ему очень интереснымъ, даже по изложенію, письмомъ, которое мы и приводимъ здѣсь вполнѣ [1]).

«Премного васъ благодарю, что вы заботитесь объ истинной православной церкви. Прошу Всевышняго Создателя, чтобы помогъ вамъ до конца вашей жизни пребывать въ ней и наслѣдовать жизнь вѣчную. Въ отвѣтъ на письмо ваше, въ коемъ любопытствуете о бесѣдахъ бывшихъ у насъ, подробно описывать ихъ не стану, ибо я ихъ не записывалъ. А что раскольники хвалятся, якобы отроки доказали отъ Писанія, будто раскольническая вѣра права, такъ я надѣюсь вы хорошо знаете духъ раскола, какъ они любятъ хвалиться! Вспомните, какъ они хвалились, что будто миссіонеры не могутъ дать отвѣта на сто пять вопросовъ: такъ и теперь! А ублажаемые раскольниками отроки — это вотъ кто: новозыбковскаго лжепопа Евѳимія Мельникова сыны, окружники, а ученики извѣстнаго расколоучителя Швецова, и такіе же пустомели, какъ и Швецовъ. Я вамъ совѣтую, — спросите у вашихъ хвалящихся раскольниковъ, кого эти отроки защищали: окружниковъ, или неокружниковъ, бѣглопоповцевъ, или безпоповцевъ. Итакъ, любезный другъ и братъ по Христѣ, скажу тебѣ по совѣсти: не вѣрь ты имъ! — да надѣюсь и не повѣрилъ. Какъ можно, чтобы основанная Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ церковь, которую и врата адовы не одолѣютъ, могла

---

[1]) Очевидно отсюда, что письмо писано не для печати, и это служитъ новымъ ручательствомъ справедливости изложеннаго въ немъ съ полною откровенностію. Намъ оно доставлено достопочтеннымъ А. Ѳ. Бородиневскимъ, которому, пользуясь настоящимъ случаемъ, приносимъ благодарность за слѣдующія, утѣшительныя для насъ, строки: «Долгомъ почитаю заочно благодарить васъ и всѣхъ участниковъ по изданію вашего журнала: это есть единственное для насъ пособіе къ познанію истины. Да умножитъ Господь лѣта живота вашего потрудиться на пользу святой церкви»!

быть одолѣна амвросіевской лжеіерархіей! Пусть ихъ хвалятся какъ хотятъ! — это въ ихъ волѣ. А мы видимъ, что православная церковь и нынѣ сіяетъ паче солнца. И смотря на ея сіяніе, мы радуемся и прославляемъ Господа Бога. А они радуются — только себя тѣшатъ! Однако скажу тебѣ нѣчто и о сущности прошедшихъ бесѣдъ. Бесѣды велись о вѣчности церкви Христовой, и о. Рябухинъ доказалъ на основаніи священнаго Писанія и святоотеческихъ книгъ, что церковь Христова пребудетъ до скончанія вѣка во всѣ дни съ епископами, священниками, діаконами и простолюдинами, которые обязаны повиноваться епископамъ, и что въ церкви Христовой необходимо должны быть семь таинствъ, строители которыхъ суть епископы и поставленные епископами пресвитеры. А такъ какъ у раскольниковъ 200 лѣтъ не было епископа, то онъ и спрашивалъ: кто же управлялъ ими и поставлялъ у нихъ строителей таинъ? Вотъ эти отроки и вышли защищаться; но не защищались, а только болтали языкомъ и свели къ тому заключенію, что одинъ человѣкъ есть вселенская церковь, если только право вѣруетъ. Теперь подумай, кого они защитили! Вѣдь и безпоповцы разсуждаютъ такъ же, какъ они. А что раскольники хвалятся будто православные пришли въ отчаяніе, выгнали всѣхъ старообрядцевъ изъ церкви и церковь заперли, такъ это чистѣйшая, недобросовѣстная ложь. Дѣло было вотъ какъ. Мельниковы, не зная какъ оправдаться, кричали между прочимъ, что Никонъ патріархъ будто бы кололъ древнія иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ, — объ этомъ и о томъ, что каждый человѣкъ есть церковь, они болтали долго-предолго, такъ что о. Рябухину пришлось назначить на слѣдующій день новую бесѣду, чтобы опровергнуть ихъ ученіе о церкви и доказать, что они оклеветали патріарха Никона, который совсѣмъ не кололъ старыхъ иконъ съ двуперстнымъ сложеніемъ, а возсталъ противъ иконъ новаго, итальянскаго письма, появившихся у нѣкоторыхъ бояръ, и требовалъ ихъ уничтоженія. Мельниковы явились на бесѣды; но когда о. Рябухинъ началъ опровергать ихъ клевету на Никона, видя, что имъ придется краснѣть за свою ложь,

предложили бесѣдовать о другомъ предметѣ. О. Рябухинъ согласился и на это, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы сначала разсмотрѣть лжеученіе Мельниковыхъ о томъ, будто одинъ человѣкъ можетъ составлять церковь, также показать неправду ихъ словъ о патріархѣ Никонѣ. Тогда Мельниковы собрали книги и сами бѣжали съ бесѣды, никѣмъ не гонимые; а за ними пошли ихъ почитатели. Но мы изъ церкви не уходили, и бесѣда продолжалась болѣе четырехъ часовъ: добросовѣстные старообрядцы слушали со вниманіемъ и сознали Мельниковыхъ пустомелями и дерзкими ругателями. Итакъ съ бесѣды не мы ихъ выгнали, а они сами бѣжали. Вотъ я тебѣ описалъ чистую правду и надѣюсь, что ты мнѣ повѣришь».

Перечисливъ далѣе общихъ знакомыхъ, вновь обратившихся изъ раскола къ церкви, Л. Г. Алейновъ прибавляетъ: «У насъ въ Воронкѣ склонныхъ къ православію очень много. Бесѣдовали мы въ Княжой (съ бѣглопоповцами). Милая была бесѣда! Просили еще пріѣхать побесѣдовать. Почтенные старички! Мы ихъ очень полюбили за то, что защищаютъ свое добросовѣстно, не такъ какъ безсовѣстные австріяки. Княжевцы объ австрійскихъ отзываются съ омерзеніемъ, — зовутъ ихъ самозванцами...»

Изложенные въ этомъ письмѣ подвиги сыновей лжепопа Мельникова были только началомъ таковыхъ. Спустя нѣсколько времени, а именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, явились они въ посадъ Елеонку и вели здѣсь бесѣды съ миссіонеромъ о. В. Родіонцевымъ, на которыхъ еще болѣе усилили свои дерзости. Что они говорили здѣсь съ помощію своихъ сторонниковъ, это уже извѣстно изъ напечатаннаго нами описанія бесѣдъ, сдѣланнаго самимъ о. Родіонцевымъ (См. «*Брат. Сл.*» 1894 г., т. I, стр. 128—142, 209—220). Любопытно, что сами старообрядцы, особенно бѣглопоповцы, возмущены были дерзостями, какія они дозволяли себѣ относительно церкви и бесѣдовавшаго съ ними защитника церкви; а одинъ изъ почтенныхъ старообрядцевъ Л. С. Шелеповъ тутъ же объявилъ, что Мельниковы не защищаютъ, а роняютъ расколъ, и что онъ не желаетъ болѣе оставаться съ ними въ расколѣ, а идетъ въ цер-

ковь. Зато истые раскольники — австріяки, вмѣстѣ съ главой ихъ, мѣстнымъ богачомъ Гусевымъ, не нарадуются, смотря на грубые выходки юныхъ питомцевъ Швецова, — и вотъ, обольщенный ихъ похвалами юнѣйшій изъ сихъ юнцовъ, Ѳедоръ Мельниковъ ѣдетъ въ Москву и здѣсь совершаетъ описанные выше подвиги, на радость московскимъ «братчикамъ»...

Московскіе свои подвиги Ѳедоръ Мельниковъ совершилъ въ декабрѣ прошлаго года; а въ январѣ настоящаго опять пріѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ въ Елеонку къ Гусеву, вѣроятно, возвѣстить ему о побѣдахъ, одержанныхъ въ Москвѣ. Здѣсь, въ Елеонкѣ, пришлось имъ опять бесѣдовать съ о. Родіонцевымъ и, какъ слѣдовало ожидать послѣ воображаемыхъ московскихъ успѣховъ, оба вели себя на этихъ бесѣдахъ еще возмутительнѣе, чѣмъ обыкновенно. Объ этихъ новыхъ подвигахъ сыновей Мельникова, а также и другихъ, имѣющихъ съ ними связь, событіяхъ въ стародубскомъ расколѣ, мы получили извѣстія отъ самого о. Василія Родіонцева, и приводимъ ихъ здѣсь.

«2-го января, — пишетъ онъ, — бесѣдовалъ я въ Елеонкѣ съ Ѳедоромъ Мельниковымъ, — тѣмъ самымъ, что̀ былъ передъ этимъ въ Москвѣ. Много говорилъ онъ всякихъ дерзостей, особенно о патріархѣ Никонѣ, издѣвался надъ его наружностью[1]), и произносилъ такія хуленія на церковь, которыхъ нельзя и повторять. Я опровергъ его лживое сказаніе о Никонѣ, и доказалъ, что если бъ даже они были справедливы, и тогда для церкви никакого повреженія отсюда произойти не могло. Въ подтвержденіе своихъ словъ я указалъ на примѣръ патріарха Александрійскаго Ѳеофила, который былъ такъ жестокъ, что истребилъ десять тысячъ постниковъ, изъ-за котораго однако церковь Христова не лишилась православія, да и самъ онъ, несмотря на все это, въ неправославіи не заподозрѣнъ. Но Мельниковъ, Гусевъ и сообщники этого послѣдняго не дали мнѣ и кончить мою рѣчь о Ѳеофилѣ, —

[1]) Значитъ, повторялъ тѣ же нелѣпости, которыми такъ удивилъ московскихъ слушателей.

закричали въ нѣсколько голосовъ, кто что̀ хотѣлъ. Многіе даже изъ старообрядцевъ укоряли Мельниковыхъ и Гусева за такое дерзкое ихъ обращеніе.

«Послѣ этого, въ посадѣ Воронкѣ, 6-го числа, въ день храмоваго праздника Богоявленія, происходило торжество присоединенія къ православной церкви десяти старообрядцевъ и одной женщины-старообрядки, дочери австрійскаго попа въ Елеонкѣ — Ѳомичева. Эти присоединенія, и особенно переходъ изъ раскола въ церковь дочери раскольническаго попа, еще болѣе озлобили Мельниковыхъ и Гусева.

«Черезъ два дня, 8-го числа, происходила еще бесѣда въ Елеонкѣ. На ней Мельниковы и Гусевъ уже не только произносили дерзости противъ церкви и шумѣли, но и драку начали, а на меня едва не опрокинули столъ, на которомъ лежали книги. Когда я попросилъ стаканъ воды, сторонники ихъ — окружники закричали: сулемы насыпать бы ему въ стаканъ! А Гусевъ кричалъ: Отецъ Василій! Не ѣзди къ намъ на бесѣды! — денегъ не пожалѣю, а по-твоему не будетъ! Здѣсь же Мельниковы ужасно хулили святыя мощи Димитрія Ростовскаго и другихъ новоявленныхъ русскихъ угодниковъ; говорили, что и въ Черниговѣ нѣтъ мощей Ѳеодосія Углицкаго, а стоитъ пустой гробъ[1]). Это смутило старообрядцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе добросовѣстные, захотѣли провѣрить, правду ли говорятъ Мельниковы, и просили меня съѣздить съ ними въ Черниговъ — навести справку. Я охотно согласился. 29-го января мы пріѣхали въ Черниговъ и просили открыть раку святителя Ѳеодосія. Наша просьба была исполнена: старообрядцы своими очами могли видѣть мощи угодника Божія и съ усердіемъ облобызали его десницу. Затѣмъ всѣ мы пошли къ преосвященнѣйшему Антонію, епископу Черниговскому. Владыка принялъ насъ. Старообрядцы подошли къ нему подъ благословеніе и удостоились продолжительной, назидательной бесѣды его преосвященства о правотѣ церкви и заблужденіи раскола. Убѣдительная рѣчь преосвященнаго такъ тронула

---

[1]) Ѳеодосій, архіепископъ Черниговскій, преставился въ 1695 году.

старообрядцевъ, что одинъ изъ нихъ, воронковскій Дмитрій Ѳедотовичъ Жеребцовъ, упалъ къ ногамъ владыки и просилъ присоединить его къ святой церкви. На слѣдующій день, 30-го января, въ Борисоглѣбскомъ каѳедральномъ соборѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, въ присутствіи начальника губерніи, самъ преосвященнѣйшій Антоній совершилъ надъ Жеребцовымъ умилительный чинъ присоединенія ко святой церкви: присоединяемый не могъ удержать слезъ отъ умиленія и радости, что сподобился быть сыномъ истинной церкви Христовой. За литургіею онъ сподобленъ былъ пріобщенія святыхъ таинъ. Владыка пригласилъ его и насъ къ себѣ на трапезу, и опять много бесѣдовалъ со старообрядцами, на сей разъ о клятвахъ собора 1667 года, на кого онѣ наложены, и объ единовѣріи, составляющемъ одну съ православіемъ церковь. Потомъ, наградивъ всѣхъ книгами и благословивъ, отпустилъ насъ съ миромъ. Возвратившись изъ Чернигова, Жеребцовъ и его спутники-старообрядцы разсказали другимъ, бывшимъ на бесѣдѣ, что Мельниковы говорили ложь о святыхъ мощахъ новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ, — что мощи святителя Ѳеодосія они сами видѣли и лобызали. Такимъ образомъ Мельниковы обличены были какъ лжецы, и вскорѣ послѣ этого еще четыре старообрядца присоединились къ церкви.

«Особаго вниманія заслуживаетъ присоединеніе митьковскаго старообрядца Трофима Александровича Андреянова, который былъ прежде изъ бѣглопоповства увлеченъ Еѳимомъ Мельниковымъ въ австрійщину и сдѣлался его духовнымъ сыномъ. Андреяновъ былъ очень уважаемый въ старообрячествѣ человѣкъ, искусный чтецъ и пѣвецъ, такъ что Сильвестръ Балтскій много разъ дѣлалъ ему предложеніе — принять священство. Но Андреяновъ не токмо не принялъ этого мнимаго священства, но познавши совершенную его ложность, тщетно прикрываемую разглагольствіями и ухищреніями Мельниковыхъ, рѣшился вовсе оставить расколъ. О намѣреніи своемъ присоединиться къ церкви онъ объявилъ родителямъ. Отецъ его, иконописецъ, сидѣлъ въ это время за работой, рѣзалъ острымъ ножомъ золото для иконъ, и когда услышалъ при-

знаніе сына, внѣ себя, поднялъ руку съ ножомъ и готовъ былъ зарѣзать сына. Потомъ закричалъ: клади началъ и прокляни церковь! — не проклянешь, сейчасъ лишу жизни! Крайне испуганный, сынъ помолился и придумалъ сказать: «проклинаю всѣ еретическія церкви», разумѣя здѣсь и всѣ раскольническіе толки. Жить у отца послѣ этого онъ не нашелъ возможнымъ, хотя для него, какъ единственнаго сына, это сопряжено было съ опасностію лишиться наслѣдства весьма зажиточныхъ родителей. Тайно ушелъ онъ изъ родительскаго дома и 2-го февраля, въ воронковскомъ Богоявленскомъ храмѣ, присоединенъ къ православной церкви. Его присоединеніе къ церкви большой ударъ для Мельниковыхъ, такъ какъ Т. А. Андреяновъ не только почитаемое въ старообрядчествѣ лицо, но и человѣкъ, близкій къ старику Мельникову, хорошо знающій его темныя дѣла, которыми давно возмущался и которыя не стѣсняется обличать теперь. Онъ разсказываетъ, какъ Еѳимъ Мельниковъ разъѣзжалъ убѣждать бѣглопоповцевъ къ переходу въ австрійщину и раздавалъ вездѣ Швецовскія и другія подпольныя книги, какъ по возвращеніи изъ Москвы ругалъ таганскія бесѣды, называлъ происходящее здѣсь пѣніе волчьимъ воемъ, все собраніе — кабачной компаніей, а досточтимѣйшаго о. архимандрита Павла всячески поносилъ.

«Впрочемъ Мельниковыхъ не было въ Стародубьѣ, когда совершились всѣ эти присоединенія старообрядцевъ къ православной церкви, имѣющія тѣсную связь съ бесѣдами, на которыхъ они такъ неистовствовали. Имъ присланы были письма и деньги отъ измаильскихъ раскольниковъ, которые извѣщали, что въ Измаилѣ примѣтно большое колебаніе среди старообрядцевъ, и настоятельно просили Мельниковыхъ пріѣхать для защиты раскола: «иначе, писали они, всѣ уйдутъ въ никоніяне и самъ владыка Анастасій близокъ къ никоніянской церкви». Въ послѣднихъ числахъ января самъ старый Мельниковъ съ обоими юнцами отправился на Дунай.

«Скажу наконецъ о происходившемъ 7-го февраля въ Климовскомъ посадѣ, въ большой бѣглопоповщинской моленной,

соборищѣ стародубскихъ бѣглопоповцевъ. Собрались они изъ разныхъ слободъ, — изъ Лужковъ были Ѳедоръ Малковъ и Ѳедоръ Барышневъ. Малковъ извѣстенъ, какъ участникъ обѣихъ экспедицій на Востокъ для изслѣдованія объ Амвросіи, и послѣ второй поѣздки, вмѣстѣ съ Ефимомъ и Васильемъ Мельниковыми, закупленный Гусевымъ, сдѣлался ихъ тайнымъ агентомъ по привлеченію стародубскихъ бѣглопоповцевъ въ австрійщину. Онъ и былъ главнымъ дѣйствущимъ лицомъ на собраніи 7-го февраля. Здѣсь съ великими воздыханіями говорилъ онъ: «Братіе-христіане! вы знаете, что брать отъ Россіи священниковъ намъ стало теперь очень трудно; да и прежде-то мы брали, одному Богу извѣстно, какихъ! Такъ не угодно ли вамъ будетъ выслушать отъ меня, стараго человѣка, добрый совѣтъ. Я дважды былъ на Востокѣ и хорошо знаю, что митрополитъ Амвросій не изъ обливанцевъ (хотя самъ же въ отчетахъ о поѣздкахъ свидѣтельствовалъ, что видѣлъ на Востокѣ обливаніе): хорошо бы намъ поэтому соединиться съ пріемлющими австрійское священство и самимъ принять священниковъ австрійскаго поставленія». У Малкова были сторонники, — климовскій купецъ Лосевъ и нѣсколько другихъ: они одобрили предложеніе Малкова. Большинство же бѣглопоповцевъ рѣшительно отвергли сіе предложеніе. Иные говорили: «Зачѣмъ принимать австрійское священство! ужъ лучше выбрать своего человѣка, да и поставить во священники въ Черниговѣ: въ Черниговѣ архіерей русскій, не обливанецъ! А у бѣлокриницкихъ три церкви, которыя между собой не сообщаются[1]), они и сами не знаютъ, которая правильная, или и всѣ самозванныя»! Потомъ всѣ закричали: не надо намъ лживой іерархіи! они и сами разбились на три церкви! Видя неудачу своего предложенія, Малковъ прибѣгнулъ къ новой хитрости. Сложивъ руки на груди, опустивъ глаза и чуть не со слезами сталъ онъ говорить: «Братіе-христіане! О великой Россіи намъ и думать нечего! А давайте выберемъ своего

---

[1]) Т.-е. окружническая, неокружническая Іова и неокружническая Іосифа.

человѣка и отвеземъ за границу: тамъ, въ Бѣлой Криницѣ, и поставимъ его. Тогда будетъ у насъ священство не окружническое и не противоокружническое, а настоящее, чисто греческое»(?)! Однако бѣглопоповцы легко поняли лукавство Малкова и закричали: «Что ты дурачишь насъ! — развѣ и тамъ и здѣсь не одна и та же гнилая Бѣлая Криница! И отчего ты самъ нейдешь къ бѣлокриницкимъ! Коли у нихъ хорошо, ступай! А насъ не зови губить душу!» Нѣкоторые предлагали, что не слѣдуетъ только гнушаться вѣнчанными у австрійскихъ поповъ и подвергать ихъ чинопріятію; но ревностные бѣглопоповцы, помня правила предковъ, и на это не согласились. Такъ и разошлись, ничего не постановивши; а повѣренный Гусева и Мельниковыхъ Ѳедоръ Малковъ потерпѣлъ полное пораженіе, и ему порадовать Мельниковыхъ, когда возвратятся съ Дуная, будетъ не чѣмъ».

Этимъ кончаются полученныя отъ о. В. Родіонцева извѣстія. Сообщеніе о собраніи бѣглопоповцевъ очень любопытно, какъ новое подтвержденіе не прекращающейся у нихъ вражды къ австрійскимъ, примѣчаемой не въ Стародубьѣ только, но и повсюду, гдѣ живутъ совмѣстно тѣ и другіе. Но мы возвратимся къ нашимъ «героямъ».

Сейчасъ упомянуто было, что всѣ Мельниковы уѣхали изъ Стародубья на Дунай, въ Измаилъ, утверждать здѣсь колеблющійся расколъ. Въ Измаилѣ, какъ надобно полагать, совсѣмъ неожиданно они встрѣтили миссіонера о. К. Крючкова, отъ котораго такъ постыдно бѣгали въ черниговскихъ слободахъ и который такъ же вызванъ былъ измаильскими старообрядцами, но тѣми, которые поколебались въ расколѣ, для окончательнаго разъясненія имъ ихъ сомнѣній о церкви. Теперь отъ бесѣды съ о. К. Крючковымъ Мельниковы не могли уже уклониться, — и бесѣда состоялась 31-го января. Она длилась болѣе пятнадцати часовъ! — и тутъ-то Мельниковы показали себя въ полной разнузданности. Если они дозволяли себѣ всякія безчинія въ древлепрестольной столицѣ, то уже могли ли стѣсняться гдѣ-то въ Измаилѣ, на границахъ Россійскаго государства! Не имѣя возможности опровергнуть убѣ-

дительныя доказательства православнаго миссіонера, они пускали въ ходъ всевозможную брань и всякія клеветы на православную церковь и православное духовенство; наконецъ дошли до того, что начали оскорблять дерзкими выраженіями священную особу благочестивѣйшаго Государя, всей Русской землей благоговѣйно чтимаго Отца! Черезъ день, 2-го февраля, происходила вторая бесѣда, на которой Мельниковы вели себя нѣсколько сдержаннѣе; но по окончаніи этой бесѣды случилось то, къ чему они давно стремились, но чего на этотъ разъ, повидимому, не ожидали: за оскорбительные отзывы о Высочайшей Особѣ, произнесенные ими на первой бесѣдѣ, они были арестованы, и, должно сказать, безъ всякаго участія, или побужденія къ тому со стороны православнаго миссіонера...

Итакъ Мельниковы добились того, къ чему давно стремились, — добились чести быть прославляемыми у раскольниковъ, какъ страдальцы... но за вѣру ли? Если бы они привлечены были къ отвѣтственности только за оскорбленіе православной церкви, которую вездѣ поносятъ открыто самою наглою бранью, и тогда они были бы не страдальцами за вѣру,— были бы только привлеченными къ отвѣтственности за оскорбленіе господствующей въ имперіи религіи; а теперь они привлекаются къ отвѣтственности даже не за хулы на церковь, а за оскорбленіе Того, Которому каждый *русскій подданный,* какой бы ни былъ религіи, обязанъ воздавать безусловно уваженіе и предъ Которымъ каждый *истинно русскій человѣкъ* свободно и искренно преклоняется съ безграничнымъ благоговѣніемъ. Только презрѣнные пасынки Россіи могутъ мыслить и говорить о Немъ злое, — и къ такимъ-то пасынкамъ, очевидно, принадлежатъ Мельниковы съ своими покровителями, такихъ-то пасынковъ даетъ намъ и воспитываетъ расколъ! Впрочемъ Мельниковы только были арестованы; а что будетъ далѣе? Намъ пишутъ, что на другой же день они были уже на свободѣ, и только не являлись болѣе на бесѣды, подъ тѣмъ, конечно, предлогомъ, что имъ не дозволяютъ говорить, т.-е. не дозволяютъ поносить право-

славную церковь и Державнаго Покровителя православія. И потомъ, если начнется дѣло, и оскорбители Священной Особы Государя будутъ преданы суду, ужели они выйдутъ изъ суда оправданными, съ торжествомъ и еще большей смѣлостью къ продолженію своихъ преступныкъ подвиговъ, какъ вышелъ Швецовъ изъ Кіевской Судебной Палаты? Если случится это (а кто поручится, что нѣтъ?), тогда уже не останется сомнѣнія, что не православіе есть господствующая въ Россіи религія, а расколъ, ибо онъ можетъ, по рѣшенію самихъ судовъ россійской имперіи, безнаказанно преслѣдовать клеветами и бранью православную церковь, вмѣстѣ съ первымъ ея Сыномъ и Державнымъ Покровителемъ...

2. Къ предыдущему сказанію о подвигахъ Мельниковыхъ: адресъ имъ отъ московскихъ „братчиковъ“; извѣстія объ измаильскихъ дерзостяхъ — Замыслы измаильскихъ раскольниковъ. — Нѣчто о Саввати и его попахъ. — Любопытное письмо Анастасія къ Силуану.

Въ предыдущей «Лѣтописи» было упомянуто, что члены московскаго раскольническаго Братства, попросту именуемые «братчики», составили и отправили дѣтямъ новозыбковскаго лже-попа Мельникова благодарственный адресъ за тѣ неимовѣрныя дерзости, какія позволилъ себѣ одинъ изъ этихъ юнцовъ въ Москвѣ, на таганскихъ бесѣдахъ. Адресъ этотъ, писанный по уставному и, очевидно, распространяемый въ такихъ спискахъ между раскольниками, мы имѣли возможность пріобрѣсти и хочемъ познакомить съ нимъ читателей. Любопытно, что предлогомъ къ написанію адреса, въ началѣ февраля 1894 г., т.-е. послѣ московскихъ именно подвиговъ Ѳедора Мельникова, «братчики» поставляютъ якобы прочитанное ими въ январѣ этого года описаніе бесѣды Мельниковыхъ съ миссіонерами въ Городнѣ, — бесѣды, происходившей ровно годъ тому назадъ, въ январѣ 1893 г., а о московской бесѣдѣ совсѣмъ не упоминаютъ. Но это не что иное, какъ хитрая уловка съ ихъ стороны. Г-да „братчики“, услаждавшіеся дерзкими выходками юнаго раскольническаго оратора на таганской бесѣдѣ и такъ довольные этими его дерзостями,

хорошо понимаютъ, что заявлять открыто свое сочувствіе этимъ дерзостямъ не совсѣмъ удобно, что такимъ сочувствіемъ могутъ повредить себѣ въ глазахъ всякаго добросовѣстнаго человѣка: поэтому они и придумали воспользоваться описаніемъ бесѣды Мельниковыхъ, происходившей такъ давно, что за нее могли бы поблагодарить сто разъ до этого, — придумали написать благодарственный адресъ будто бы за ту бесѣду, тогда какъ въ дѣйствительности благодарятъ именно за московскіе подвиги. И что̀ это за адресъ! — сколько возмутительнаго кощунства въ обильно расточаемыхъ «братчиками» восхваленіяхъ наглымъ ругателямъ церкви! Чтобы читатели могли это видѣть, приводимъ адресъ вполнѣ сопроводивъ лишь нашими замѣчаніями.

Высокопочтенные братья о Христѣ

Василій Евѳимовичъ и Ѳеодоръ Евѳимовичъ!

Втораго января текущаго года Совѣтъ Братства разсматривалъ описанную вами вашу бесѣду, бывшую въ Городнѣ 24 января 1893 года, которую и призналъ правильною и заслуживающею полнаго одобренія и христіанской похвалы [1]).

Разсмотрѣвъ такую важную (?) бесѣду вашу, Совѣтъ Братства пришелъ къ такому заключенію: что труды ваши и дѣло ваше дѣло Божіе; что и вы, какъ дѣлатели этого дѣла Божія, люди истинные христіане, воины Христа, носители Его оружія, озареннаго свыше благодатію Животворящаго Духа Вседержителя видимаго и невидимаго [2]).

[1]) Извѣстно, что „христіанами“ раскольники зовутъ исключительно себя, весь остальной міръ признавая такимъ образомъ нехристіанскимъ. Поэтому и выраженіе „христіанская похвала“, значитъ „старообрядческая, раскольническая похвала“. Такой похвалы Мельниковы, конечно, заслуживаютъ.

[2]) Оружіе Христово есть слово Божіе. Но къ этому-то оружію Мельниковы всего менѣе и прибѣгаютъ. Ихъ оружіе не Христово, не слово истины, а лукавство и ложь, для поддержанія которыхъ они выдергиваютъ отдѣльныя мѣста изъ сочиненій, писанныхъ врагами патріарха Никона и защитниками раскольническихъ мнѣній, явившимися, къ прискорбію, среди нынѣшнихъ писателей и даже ученыхъ духовной школы. Вотъ ихъ оружіе! А имя Христово вы, г-да „братчики“, по своему обычаю, пріемлете всуе, и за то дадите отвѣтъ Богу.

Разумѣя такъ о вашей высокой миссіи во имя Христа и Его церкви, Совѣтъ Братства разумѣетъ и вѣруетъ, что вы, на такое поприще защиты православія (?) призваны Тѣмъ, Кто сказалъ: «жатвы много, а дѣлателей мало» (Матѳ. зач. 34). Духъ Св. послалъ васъ на брань съ врагами древняго благочестія [1]), гдѣ вы, на этомъ полѣ брани, несете знамя побѣды высоко и во имя только истины и правды прекрасно разите врага [2]). Да поможетъ вамъ пославшій васъ на это дѣланіе жатвы! Да поможетъ Онъ вамъ всегда и всюду побѣждать врага истины (?) и заграждать уста его льстивыя! [3]) Да будетъ ваша миссія служить опорою христіанства [4]), которое содержитъ въ истинѣ древнее благочестіе [5]) и съ благоговѣніемъ умиленія души и сердца, взираетъ на вашу славу [6]).

Взирая на вашу мощь (?) при вашей юности и Совѣтъ Братства благодаритъ Бога, что Онъ ниспослалъ вамъ такое старое [7]) разумѣніе, которое посылается Богомъ только Его избранникамъ.

Радуясь вашимъ блистательнымъ успѣхамъ въ защитѣ истины, радуясь вашему христіанскому геройству и мужеству на поприщѣ миссіи, Совѣтъ Братства молитъ Господа Бога, дабы Онъ ниспослалъ вамъ сугубѣйшее разумѣніе даннаго вамъ дара, — сугубѣйшаго разумѣнія къ преуспѣянію въ защитѣ Христовой церкви, которая выпала на вашу долю тамъ, гдѣ не слышно было бойцовъ такихъ, какъ вы [8]), — гдѣ вы

---

[1]) Духъ Святый посылаетъ на борьбу противъ церкви! — какое кощунство! Ужели у Бриліантовыхъ и Мельниковыхъ не сохранилось и искры совѣсти, что они не стыдятся и не боятся такъ кощунствовать?!

[2]) Вотъ этой именно, „истины и правды“ Мельниковы ищутъ всего менѣе.

[3]) Врагъ истины, по слову Спасителя, есть діаволъ, отецъ лжи. Но развѣ противъ него борются Мельниковы, борясь противъ церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины? Нѣтъ, — не противъ него, а за него...

[4]) Т.-е. раскола.

[5]) Что значитъ: „христіанство содержитъ въ истинѣ древнее благочестіе?“ — это пойметъ развѣ только краснорѣчивый г. Бриліантовъ.

[6]) Славой ругателя церкви могутъ умиляться только „братчики“, отлично понимающіе, что съ такою славою, которой и они усердно ищутъ, соединяются еще не малыя матеріальныя выгоды...

[7]) Должно быть Аввакумовское.

[8]) О какомъ это мѣстѣ идетъ рѣчь? Гдѣ не слышно было бойцовъ подобныхъ Мельниковымъ? — въ Стародубьѣ, или въ Москвѣ? Если

такъ славно, такъ блистательно и съ такою удивительной силою Духа Божія поражаете попирателей древности, громя ихъ оружіемъ глагола Божія.

Смѣемъ увѣрить васъ, дорогіе братья, что ваши высокіе труды защиты истины глубоко запали въ сердцахъ членовъ нашего Братства и запечатлѣлись въ душѣ каждаго. Смѣемъ увѣрить васъ, что наша любовь къ вамъ — именно только любовь и уваженіе къ вамъ подвигнули Совѣтъ Братства къ написанію сего посланія. Мы просимъ васъ, дорогіе братья наши, принять это посланіе въ знакъ нашего глубокаго къ вамъ уваженія и признательности [1]).

Въ заключеніе скажемъ вамъ словами св. Апостола Павла: «Братіе, радуйтеся, совершайтеся, утѣшайтеся, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте: и Богъ любви и мира будетъ съ вами. Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ: цѣлуютъ вы святіи вси» [2]) (2, 20 Коринѳ. зач. 197).

При этомъ смѣемъ васъ просить: передайте отъ имени Совѣта нашего Братства вашему родителю, высокопочтеннѣйшему отцу Евѳимію,[3]) глубочайшее почтеніе и христіанское привѣтствіе, — и не только какъ родителю, но и воспитателю. и учителю, и наставнику вашей славы, которая при такомъ

въ Стародубьѣ, то какъ же братчики забыли о такихъ дѣятеляхъ, какъ Иларіонъ Егорычъ — Ксеносъ, предъ которымъ Мельниковы жалкое ничтожество? Какъ забыли своего владыку — Сильвестра и самого Швецова, также подвизавшагося въ Стародубьѣ? Если же братчики разумѣютъ Москву, за подвиги въ которой и пишутъ самый адресъ, то вѣдь они произносятъ судъ, надъ собой, объявляя, что между ними и „не слышно было такихъ бойцевъ", какъ Мельниковы. Вотъ до чего доводитъ излишняя лесть!

[1]) Что ревнители раскола увѣряютъ въ любви, уваженіи, признательности наиболѣе яростныхъ защитниковъ раскола, это въ порядкѣ вещей; но о защитѣ-то „истины" къ чему говорятъ они? Что „истина" для „братчиковъ" и для Мельниковыхъ?!

[2]) Наставленіе Апостола о единомысліи съ церковію и о мирѣ, дѣйствительно, должны помнить и Мельниковы и „братчики".

[3]) Однако этотъ „высокопочтеннѣйшій отецъ", настойчиво добивавшійся счастія попасть въ попы къ московскимъ раскольникамъ, на Рогожское Кладбище, какъ знаютъ, конечно, и сами братчики, признанъ не достойнымъ такой чести. Должно быть и сами раскольники считаютъ его не особенно „почтеннымъ". А знаютъ ли „братчики" темныя продѣлки этого ихъ „высокопочтеннѣйшаго отца" въ Шведовскомъ дѣлѣ? ..

теченіи жизни вашей на поприщѣ защиты истины будетъ безсмертна [4]).

Привѣтствуемъ васъ, просимъ привѣтствовать отъ имени Совѣта Братства и родителя вашего, у котораго просимъ прощенія и благословенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣемъ честь быть къ вамъ, ваши о Христѣ Іисусѣ братья... (Слѣдуютъ подписи.)

Москва 1894 года, февраля 6 дня.

Итакъ, за дерзкую публичную брань на православную церковь и ея служителей московскіе «братчики» осыпаютъ Мельниковыхъ превыспренними похвалами, называютъ ихъ даже, съ неимовѣрнымъ кощунствомъ, «воинами Христа», «посланными Духомъ Святымъ на брань со врагами древняго благочестія»! Сочиняя свой адресъ, братчики, по всей вѣроятности, не знали еще объ измаильскихъ подвигахъ Мельниковыхъ,— о томъ, что отъ служителей православной церкви они перенесли свою дерзкую брань даже на священную особу Державнаго Покровителя сей церкви. Тогда, вѣроятно, они изощрились бы еще въ болѣе кощунственныхъ похвалахъ своимъ «безсмертнымъ» героямъ! Кстати приведемъ, что̀ мы слышали недавно объ этихъ измаильскихъ подвигахъ братьевъ Мельниковыхъ отъ одного изъ свидѣтелей-очевидцевъ. Какъ ругали они, буквально ругали своего собесѣдника, протоіерея К. Крючкова, какія придумывали ему укоризненныя прозвища, объ этомъ и говорить въ печати не удобно (здѣсь больше отличался старшій братъ, Василій, тотъ самый, что̀ ѣздилъ въ Константинополь для разысканій объ Амвросіи, а Ѳедоръ только помогалъ ему въ изобрѣтеніи ругательствъ). Ругать миссіонеровъ это уже спеціальность Мельниковыхъ; въ этомъ они неподражаемы. Но любопытно, какъ относились они къ постороннимъ. Слушателей собралось огромное количество,—не мало

---

[4]) Легко же дается безсмертіе у раскольниковъ! — для этого нужно только превзойти другихъ во брани и клеветахъ на церковь! Примѣръ Аввакума, получившаго тоже безсмертіе своего рода, должно быть, увлекателенъ. Но до Аввакума Мельниковымъ далеко, очень далеко!

было людей «интеллигентныхъ», и притомъ съ супругами. Этихъ послѣднихъ особенно смущало неприличное поведеніе Мельниковыхъ, такъ что одна дама, выведенная изъ терпѣнія ихъ бранью и грубостями, рѣшилась замѣтить, что имъ должно бы вести себя приличнѣе. Василій Мельниковъ закричалъ на нее: «Ты молчи, баба! Это не бабье дѣло! Женамъ въ церкви и каноны запрещаютъ говорить». Бѣдная, сконфуженная барыня, разумѣется, должна была прекратить разговоръ съ такимъ ругателемъ, котораго одни только Бриліантовы могутъ хвалить за подобныя дерзости, а не похвалитъ, полагаемъ, даже Арсеній Иванычъ Морозовъ и всякій мало-мальски цивилизованный старообрядецъ. Былъ еще подобный случай. Присутствовавшая на бесѣдѣ супруга мѣстнаго священника-миссіонера, женщина образованная, весьма интересовавшаяся ходомъ бесѣды и записывавшая ее, замѣтила Василію Мельникову, что онъ противорѣчитъ себѣ, такъ какъ прежде говорилъ о томъ же предметѣ совершенно другое. Мельниковъ закричалъ въ отвѣтъ: «врешь ты, баба!» Но матушка замѣтила ему, что говоритъ правду, и по своей записи привела ему подлинныя его слова. Тогда Мельниковъ разразился бранью, на которую могъ бы отвѣчать ему развѣ пьяный мужикъ на площади. При первыхъ дерзкихъ отзывахъ Мельникова о священной особѣ Государя Императора присутствовавшій на бесѣдѣ мѣстный мировой судья сдѣлалъ ему замѣчаніе и потребовалъ не касаться имени Государя. — «Ты кто такой и какъ смѣешь дѣлать мнѣ замѣчанія?» дерзко спросилъ въ свою очередь Мельниковъ. — Я мировой судья! — «А, мировой судья, такъ ступай въ свою камеру, надѣвай цѣпь и тамъ суди! А здѣсь ни ты, и никто не имѣетъ права останавливать насъ. Вотъ ему (миссіонеру) предписано вести себя кротко; а мы можемъ говорить, что хочемъ, и никто не смѣетъ запретить намъ» (таковы неограниченныя права раскольниковъ въ Россійской имперіи, по понятію г-дъ Мельниковыхъ!). Однако потомъ, когда Мельниковы съ непостижимой наглостью стали повторять свои дерзкія выходки противъ особы Государя Императора, полицейская власть нашла необходимымъ закрыть

бесѣду, а на утро она же составила протоколъ и арестовала Мельниковыхъ, не только не при участіи миссіонера, но и вопреки его просьбѣ — не прибѣгать къ такой мѣрѣ, такъ какъ, имѣя въ виду примѣръ Швецова и другіе подобные, понималъ всю ея безполезность. Такъ дѣйствительно и случилось: часа черезъ два Мельниковы уже гуляли по городу съ тросточками (вѣдь они франты!), а потомъ благополучно возвратились въ Новозыбковъ, гдѣ и разсказываютъ теперь, какъ старообрядцы плакали будто бы, видя ихъ страданія (!) за древнее благочестіе, и какъ сами они радовались, идя во узилище (конечно, въ полной увѣренности, что очень скоро выйдутъ изъ него). Почему въ Измаилѣ они довели свою дерзость до послѣдней степени, позволили себѣ даже касаться рѣзкими отзывами священной особы Помазанника Божія, это нашъ измаильскій корреспондентъ объясняетъ исключительнымъ положеніемъ Измаила, гдѣ раскольники господствуютъ и пользуются особыми правами: это и ободряло Мельниковыхъ показать себя вполнѣ, даже со стороны своихъ вѣрноподаническихъ чувствъ. Мѣстнымъ раскольникамъ они очень угодили своею дерзостью, — измаильскіе раскольники теперь хвалятся предъ православными: «вотъ-де наши молодые поповичи доказали вашему никоніанскому миссіонеру нашу правую вѣру при всемъ народѣ, при грекахъ и болгарахъ!»

Эти измаильскіе и окрестныхъ мѣстъ раскольники мечтаютъ пользоваться всѣми правами, какими пользовались, находясь подъ турецкимъ и румынскимъ подданствомъ; мало того, — они мечтаютъ распространить эти права на всѣхъ русскихъ раскольниковъ австрійскаго толка. Насъ извѣщаютъ, что въ прошломъ году отъ нихъ отправлены были три депутата: одинъ изъ Измаила, одинъ изъ Килiи, и одинъ изъ Кагула (Иванъ Овчинниковъ, братъ извѣстнаго о. Пафнутія) въ Москву, къ здѣшнимъ главарямъ австрійскаго раскола, съ предложеніемъ — подать на Высочайшее имя прошеніе о дарованіи права всему австрійскому лжесвященству открыто, въ полныхъ облаченіяхъ совершать крестные ходы, погребенія и проч., каковымъ правомъ они, измаильскіе и прочіе старообрядцы,

пользовались въ Румыніи. Были ли эти депутаты въ Москвѣ и что̀ имъ отвѣтили московскіе заправители австрійскаго раскола, мы не знаемъ; а надобно полагать, что если были, то эти послѣдніе отвѣтили отказомъ, принявъ въ соображеніе, что замыселъ слишкомъ уже смѣлъ и что безъ этого расколъ пользуется вездѣ полной свободой.

Въ числѣ московскихъ заправителей раскола, рѣшающихъ дѣла, подобныя упомянутому предложенію, мы, конечно, не разумѣемъ куріознаго владыку Савватія. Съ нимъ о такихъ дѣлахъ не совѣтуются, и онъ на то не въ претензіи. Ему бы только жить поприволнѣе, да когда нужно и когда прикажетъ Арсеній Иванычъ, ставить поповъ раскольникамъ. Есть впрочемъ и еще предметъ, близкій его сердцу, — это Сибирь, мѣсто его первоначальнаго лжеархіерействованія. Посѣщеніе тѣхъ мѣстъ для него служитъ немалымъ утѣшеніемъ. Путешествіе туда Савватій совершилъ и въ началѣ нынѣшняго года. Ѣздитъ онъ больше затѣмъ, чтобы повидаться со старыми знакомыми, а главное — порисоваться здѣсь своими архіерейскими служеніями, для чего и возитъ съ собою молодаго голосистаго дьякона и богатыя московскія облаченія. Вѣроятно имѣетъ въ виду и обозрѣніе «епархій», а также полученіе благостыней. Благостыни, конечно, получаются; но обозрѣніями Савватія раскольническіе попы совсѣмъ не тревожатся и къ нему лично относятся повсюду съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ, напр., 12 февраля прибылъ онъ въ Нижне-Тагильскъ съ вечернимъ поѣздомъ и прямо съ вокзала отправился къ своему знакомому, купцу Аксенову, у котораго въ это время въ домовой церкви кончалъ всенощную мѣстный раскольническій попъ Василій Кульковъ (изъ кабацкихъ сидѣльцевъ). Въ домѣ Аксенова произошелъ переполохъ по случаю пріѣзда такого важнаго гостя. Дали знать Кулькову, чтобы шелъ встрѣчать «владыку»; но тотъ и съ мѣста не двинулся. Надобно сказать, что этотъ Кульковъ, какъ и всѣ почти раскольническіе попы, порядочный безобразникъ и затѣйникъ. Въ алтарѣ Аксеновской церкви, гдѣ постоянно служитъ, онъ хотѣлъ на престолѣ положить

колокольчикъ, чтобы звать когда нужно прислужника, а потомъ изъ алтаря же задумалъ провести телефонъ въ свою квартиру, чтобы дѣлать отсюда хозяйственныя распоряженія, особенно насчетъ самовара и прочаго. Прихожане едва могли отклонить «батюшку» отъ такихъ затѣй. О томъ, какъ онъ правитъ требы, и говорить нечего. На его безобразія прихожане не разъ жаловались Савватію, и Савватій грозилъ не разъ Кулькову тяжкими карами; на жалобы прихожанъ и на угрозы «владыки» Кульковъ не обращаетъ никакого вниманія. Савватій даже лично запрещалъ ему носить длинные волосы и священническую рясу, т.-е. ходить, какъ ходятъ православные священники; Кульковъ и этого не послушалъ. Понятно, что на приглашеніе встрѣтить «владыку» онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія: стоитъ встрѣчать какого-то Савватія! На другой день «владыка» служилъ въ Аксеновской церкви. Старообрядцевъ собралось за службу много, — имъ хотѣлось особенно посмотрѣть, какъ Савватій будетъ облачаться среди церкви; но Савватій не доставилъ имъ этого удовольствія, — облачился въ алтарѣ. И хорошо сдѣлалъ, потому что видѣть его персону въ архіерейскомъ облаченіи, какъ мы сами испытали, даже нѣсколько блазнительно. Послѣ службы происходилъ, разумѣется, обѣдъ; а послѣ обѣда собравшіеся прихожане Аксеновской церкви приносили Савватію челобитье на своего попа, Кулькова, — жаловались на его безчинства и просили дать имъ другого попа, а Кулькова удалить. Савватій, какъ и всегда, пообѣщалъ исполнить просьбу; но, конечно, не исполнитъ, — да если бъ и исполнилъ, Кульковъ не послушаетъ его распоряженія. Вечеромъ 13-го числа Савватій уѣхалъ изъ Нижне-Тагильска въ Пермь, изъ Перми проѣхалъ въ Екатеринбургъ, потомъ въ Златоустъ и т. д. Къ посту онъ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ и теперь благополучно пребываетъ въ своей Апухтинкѣ, охраняемый благодѣющею ему десницею...

Примѣръ Кулькова можетъ служить указаніемъ того, какъ и вообще относятся раскольническіе лжепопы ко своимъ лжеепископамъ. Мы полагаемъ, что именно присущее каждому

изъ нихъ невольное, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе ощутительное, сознаніе незаконности носимаго ими священства, незаконности рукоположенія, полученнаго ими отъ незаконнаго, мнимаго епископа, служитъ основной причиной того пренебреженія, съ какимъ они относятся ко своимъ верховнымъ пастырямъ и исходящимъ отъ нихъ распоряженіямъ. По тому же самому почти всѣ они видятъ въ своемъ служеніи только средство къ обезпеченному матеріальному положенію, и даже средство къ большой наживѣ. Восхваляемое нѣкоторыми, даже поставляемое въ примѣръ православному духовенству безкорыстіе раскольническихъ поповъ — пустой вымыселъ; напротивъ, корыстолюбіе и вымогательство съ употребленіемъ для того всякихъ способовъ — отличительная ихъ принадлежность. Вотъ одинъ образчикъ этихъ способовъ вымогательства. Осенью прошлаго года кагульскій попъ Ипатій отправилъ нарочнаго въ объѣздъ по всѣмъ мѣстамъ своего прихода съ такимъ краснорѣчивымъ посланіемъ:

«Древлеистиннаго благочестія ревнителямъ и святоотеческихъ преданій твердымъ блюстителямъ, о Христѣ братіямъ и сестрамъ, живущимъ въ богоспасаемыхъ весяхъ всякаго званія. Желаемъ вамъ о Господѣ радоватися, и при семъ обращаюся со всепокорнѣйшимъ нашимъ прошеніемъ къ милостивѣйшимъ благотворителямъ и усерднѣйшимъ христолюбцамъ: вонмите гласу прошенія нашего и спомоществуйте намъ отъ своихъ праведныхъ трудовъ, елико кому Господь возвѣститъ и Мать Покровъ пресвятыя Бородицы по сердцу положитъ, *за что̀ и я буду готовъ съ требами къ услугамъ вашимъ*, и прошу вручить сему моему посланнику милостивое ваше подаяніе и своеручно записывайте па оборотѣ сего листа званіе ваше и подаяніе, и тако остаемся въ благой надеждѣ на вашу къ намъ о Христѣ любовь и сердечное снисхожденіе. Всепокорнѣйшій проситель, града Кагула свято-Покровской старовѣрческой церкви настоятель, священноіерей Ипатій. 1893, сентября 20 дня».

Вотъ какія благочестивыя посланія употребляются раскольническими попами для стриженія волны съ ихъ духовныхъ овецъ! Въ нихъ безъ церемоніи возвѣщается, что если «милостивое

подаяніе» будетъ записано на листѣ и вручено посланному, въ такомъ случаѣ и пастырь «готовъ съ требами къ услугамъ» овецъ (за что, разумѣется, плата должна слѣдовать своимъ чередомъ), а если подаяніе не пришлется, то пусть пеняютъ на себя, — батюшка «съ требами» къ ихъ «услугамъ» не явится!.. Вообще, подлинныя словесныя произведенія современныхъ раскольническихъ дѣятелей назидательны въ томъ отношеніи, что хорошо знакомятъ съ духомъ и характеромъ раскола въ наше время.

Въ заключеніе приведемъ еще одно такого рода произведеніе, представляющее притомъ несравненно бо̀льшую важность, чѣмъ два предыдущія, такъ какъ въ немъ подтверждается и раскрывается одно изъ возмутительнѣйшихъ кощунствъ, давно существующее въ расколѣ; оно важно и потому еще, что не есть рукописаніе какого-нибудь льстиваго «братчика», или корыстолюбиваго лжепопа, а посланіе раскольническаго епископа къ другому раскольническому епископу. Рѣчь идетъ о распространенныхъ въ расколѣ фальшивыхъ мощахъ, которымъ темные старообрядцы воздаютъ честь, какъ истиннымъ останкамъ мучениковъ, которые даже полагаются у нихъ въ антиминсы... Намъ случалось не только слышать, но и читать разсказы (притомъ написанные въ насмѣшливомъ тонѣ) о происхожденіи такихъ мощей; но мы, возмущаясь неприличнымъ тономъ этихъ разсказовъ, не вѣрили и самому ихъ содержанію, потому что не хотѣлось вѣрить тому, что̀ уже слишкомъ возмутительно и кощунственно. Но вотъ приходится вѣрить и невѣроятному, когда свидѣтельствуетъ о томъ одинъ изъ самихъ раскольническихъ епископовъ въ откровенной бесѣдѣ съ своимъ собратомъ. Приводимъ самое письмо. Пишетъ, какъ увидятъ читатели, Анастасій Измаильскій къ Силуану на Кавказъ[1]).

---

[1]) Письмо, съ подлинника, напечатано въ *Ставроп. Еп. Вѣдомостяхъ*.

„Ваше Преосвященство,

возлюбленный о Христѣ братъ и юзникъ Христовъ Епископъ Силуянъ.

Миръ и благословеніе Божіе да умножится въ Васъ богатно.

Слышавши ваше искушеніе[1]) почли какъ собственно нашимъ,— оно и дѣйствительно наше, потому что мы всѣ братія о Христѣ. Я очень болю о томъ, что васъ подобное искушеніе постигло, но утѣшающаго въ человѣцѣхъ нѣсть; Архіепископъ къ подобнымъ идеямъ (?) мертвъ, Духовный Совѣтъ торжествуетъ, что его соперники страждутъ, и имъ нѣсть до того дѣла, дабы только безумная воля взяла верхъ[2]).— Я пріѣзжалъ на Кавказъ по порученію Архіепископа Савватія для изслѣдованія о мощахъ, которыя въ вашей епархіи обрѣтены въ станицѣ Алханъ Юртъ, — объ которыхъ вамъ бы слѣдовало болѣе обезпокоится и точнѣй справки взять,— *вы подумайте хорошенько, что на этихъ неизвѣстныхъ трупахъ освящаются церкви и сотни антиминсовъ въ запасъ освящены,*— я не могу понять, какъ это отъ вашей проницательности ускользнуло таковой важнѣйшій актъ, — дѣйствительно *неизвѣстные трупья* лежали въ склепѣ безъ всякаго признака христіанства, вдругъ признать за Саворія, царя Перскаго, дѣтей Даду, Гаведая и Гаргила и Каздои. Эти мученики, какъ пострадали, вотъ уже 1200 лѣтъ,— не имѣя на это никакихъ данныхъ ни чудесъ, ни историческихъ свидѣтельствъ, нужно было отцу Стефану, этому отчаянному священнику, *сфабриковать таковое странное дѣло,* прошу и умоляю Ваше Преосвященство обратить на это серьезное вниманіе, разслѣдовать это дѣло въ самомъ тщательномъ и безукоризненномъ порядкѣ. Намъ и Вамъ жить еще немного осталось,— а пожалуй этотъ вопросъ по смерти вашей останется нетронутымъ и такъ далѣе будутъ церкви старообрядческія освящаться *вмѣсто мученическихъ на трупахъ некре-*

---

[1]) Силуанъ находился тогда подъ арестомъ: это и называется здѣсь „искушеніемъ“; поэтому же Анастасій называетъ его и „юзникомъ“.

[2]) Вотъ какую рекомендацію даетъ своему „архіепископу“, т.-е. Савватію, и его „Духовному Совѣту“ раскольническій епископъ! „Безумною волей“ Духовнаго Совѣта Анастасій называетъ его самостоятельныя распоряженія безъ сношенія и соборнаго совѣщанія съ епископами, противъ чего и возстали нѣкоторые изъ лжеепископовъ, подстрекаемые Швецовымъ. Это и суть „соперники“ Духовнаго Совѣта.

щенныхъ черкесъ, неотложно возьмитесь и возьмитесь съ юношескимъ духомъ, *это нечестіе* исторгнуть отъ церквей Божіихъ: *еще эта зараза не весь нашъ раіонъ старообрядческаго міра охватила.* Прося вашихъ святыхъ молитвъ, — искренно уважающій васъ Анастасій, епископъ Измаила.

25 августа.

Итакъ, раскольническій епископъ, вполнѣ достовѣрный въ семъ случаѣ послухъ, свидѣтельствуетъ, что „неизвѣстныя трупы некрещенныхъ черкесъ“ вмѣсто мученическихъ мощей распространены въ частицахъ между старообрядцами, что на этихъ „неизвѣстныхъ трупахъ освящаются у нихъ церкви и освящены сотни антиминсовъ въ запасъ“, изобильно раздаваемые ихъ лжепопамъ, въ ихъ походныя и постоянныя церкви. Какое нечестіе! Какое возмутительное кощунство! Раздача этихъ трупныхъ частей, подъ названіемъ мощей, началась съ 1876 г., когда привезъ ихъ въ Москву къ Антонію Шутову упоминаемый Анастасіемъ „отецъ Стефанъ“ (Загородновъ): этотъ, по выраженію Анастасія, „отчаянный священникъ“, даже протопопъ Алханъ-Юртовской станицы, „сфабриковалъ такое странное (не страшное ли?) дѣло“, какъ опять выражается Анастасій, подобравъ давно валявшіеся въ существующей при этой станицѣ какой-то пещерѣ съ татарскимъ минаретомъ черкесскіе трупы, и привезъ ихъ въ Москву къ Антонію. Служившій тогда въ канцеляріи Шутова Е. А. Антоновъ хорошо помнитъ (какъ помнитъ, конечно, и тогдашній сослуживецъ его Швецовъ) пріѣздъ этого „отчаяннаго“ попа и пріемъ, сдѣланный ему Антоніемъ. Крайне легкомысленный въ подобныхъ случаяхъ, Шутовъ чрезвычайно обрадовался пріобрѣтенію такой драгоцѣнности, какую привезъ ему Загородновъ, и щедро наградилъ его; а „отчаянный“ попъ сей, подверженный запоямъ, съ этой радости пьянствовалъ около мѣсяца, окруженный попеченіями Антонія и служившихъ при немъ. Когда же, протрезвившись, поѣхалъ обратно на Кавказъ, Антоній, въ знакъ особаго къ нему благоволенія, пожаловалъ ему шелковую рясу. Между тѣмъ привезенные имъ „неизвѣстные трупы“ Антоній сталъ раздѣлять на частицы,

и давать въ благословеніе своей раскольнической паствѣ, большею частію подъ именемъ мощей мученика Гаведдая, а особенно полагать въ антиминсы[1])... И въ теченіе двадцати почти лѣтъ сколько такихъ трупныхъ частицъ, подъ названіемъ мощей, распространено между старообрядцами! — Анастасій справедливо замѣчаетъ, что однихъ антиминсовъ съ этими мнимыми мощами можно насчитать сотни. О, несчастные старообрядцы! До чего доводитъ васъ ваше преступное отчужденіе отъ православной церкви! И не есть ли это Божіе вамъ наказаніе за ваши хулы на нее?! Вотъ о чемъ подумали бы, вотъ противъ чего, — противъ этихъ вопіющихъ, кощунственныхъ явленій въ расколѣ,— ревновали бы вы, г-да Мельниковы и г-да „братчики!“ А вы только изощряетесь въ клеветахъ и ругательствахъ на православную церковь, за что̀ и на себя и на весь расколъ навлекаете только вящшій судъ Божій, которымъ уже и преданы *въ неискусенъ умъ, творити неподобная*...

3. Паки и паки о Мельниковыхъ. — Необходимая поправка. — Судъ надъ героями раскола. — Похвальное посланіе Анастасія къ родителямъ сихъ героевъ.

Вынуждаемся необходимостію еще говорить о братьяхъ Мельниковыхъ, какъ ни наскучило и какъ ни противно это намъ и, быть можетъ, нашимъ читателямъ. Дѣло въ томъ, что необходимо сдѣлать нѣкоторыя поправки въ сказанномъ нами прежде объ этихъ современныхъ герояхъ раскола. Мы писали передъ симъ, что, неистовствуя на бесѣдахъ въ Измаилѣ, Мельниковы «оскорбляли дерзкими выраженіями священную особу благочестивѣйшаго Государя», и преданы отвѣт-

---

1) У Антонія Шутова былъ и еще поставщикъ подобнаго рода мощей, нѣкій инокъ Мисаилъ. Онъ два раза ѣздилъ въ Палестину, и привозилъ оттуда немалое количество собранныхъ тамъ костей, за которыя Антоній щедро платилъ ему. Мисаилъ умеръ недавно, года два тому назадъ, и все жаловался, что Антоній не заплатилъ ему 2000 р. долга за мощи. Если такъ великъ былъ долгъ, то можно судить, сколько переплатилъ ему Антоній и сколько мнимыхъ мощей получилъ и распространилъ!

ственности, или суду, не за то уже, что поносили церковь, а за оскорбленіе Высочайшей особы Государя, — и вотъ именно тутъ мы допустили невѣрность. Вскорѣ же послѣ того, какъ это было напечатано, самъ Ѳедоръ Мельниковъ прислалъ громоносное письмо въ Москву къ одному изъ нашихъ сотрудниковъ, очевидно, для сообщенія и намъ, гдѣ съ негодованіемъ отвергаетъ извѣстіе о произнесеніи имъ оскорбительныхъ для Царскаго величія словъ и не обинуясь называетъ это извѣстіе клеветою. Нѣтъ сомнѣнія, что то же самое говорятъ и всѣ сторонники Мельниковыхъ — и старообрядцы и нестарообрядцы (увы! и такихъ не мало, ибо на помощь Мельниковымъ выступилъ Гусевъ и прочіе раскольническіе богачи). Само собою разумѣется, что мы лично на бесѣдѣ не присутствовали и слышать всѣхъ дерзостей Мельниковскихъ не могли; но мы писали со словъ другихъ, лично бывшихъ на бесѣдѣ, и напечатать сообщенное ими имѣли твердыя основанія, вполнѣ довѣряя ихъ извѣстной намъ добросовѣстности, а съ другой стороны хорошо зная характеръ раскольническихъ героевъ вообще, и Мельниковыхъ въ особенности, — достаточно тѣхъ невообразимыхъ дерзостей, какія запальчиво и нагло произносилъ Ѳедоръ Мельниковъ на публичной бесѣдѣ въ Москвѣ, въ столицѣ Россійскаго государства, чтобы считать его способнымъ дойти до послѣднихъ крайностей, особенно въ союзѣ съ братомъ, на бесѣдахъ въ захолустьѣ, на границѣ Россіи, среди раскольниковъ, пользующихся особенною разнузданностью. Вотъ почему, повторяемъ, мы имѣли полное основаніе довѣрять тому, что̀ намъ сообщено было о возмутительныхъ словахъ братьевъ Мельниковыхъ на бесѣдахъ въ Измаилѣ. Ѳедоръ Мельниковъ въ письмѣ своемъ ссылается на полицейскіе протоколы и подобные акты въ доказательство, что мы написали на него «клевету», сказавъ объ оскорбленіи имъ священной особы Государя. Это правда, — въ протоколѣ, которымъ начато дѣло о Мельниковыхъ, нѣтъ упоминанія объ этомъ оскорбленіи. Но не было ли прежде составлено другого протокола, который не пущенъ въ ходъ? Да и какъ вообще составляются у насъ протоколы по пре-

ступленіямъ раскольниковъ? Нѣтъ, — протоколы въ данномъ случаѣ не доказательство. Итакъ, что̀ касается извѣстія о произнесеніи Мельниковыми оскорбительныхъ для Царскаго величія словъ, исправлять, или брать его назадъ мы еще не имѣемъ достаточныхъ основаній; но мы должны рѣшительно измѣнить другое извѣстіе — о преданіи Мельниковыхъ суду не за то, что поносили церковь, а за оскорбленіе священной особы Государя. Оказалось въ дѣйствительности, что Мельниковыхъ судили напротивъ именно за оскорбленіе церкви, или за кощунство, — и только за это. Кощунства, оскорбленія православной церкви были, очевидно, до такой степени наглы и возмутительны, что даже полицейская власть не нашла возможнымъ оставить ихъ безъ вниманія и составила объ нихъ протоколъ, на основаніи котораго и происходило въ Измаилѣ 6-го апрѣля судебное разбирательство.

Какъ же именно происходилъ судъ и чѣмъ кончился? Это любопытно, и вотъ что̀ именно сообщаетъ намъ объ этомъ одинъ изъ непосредственныхъ участниковъ процесса. Изъ подсудимыхъ явился на разбирательство дѣла только старшій братъ Василій, а младшій Ѳедоръ, вполнѣ разсчитывая на оправданіе, нашелъ даже излишнимъ являлся на судъ. Вызваны были, какъ слѣдуетъ, свидѣтели со стороны обвиненія и со стороны защиты. По прочтеніи обвинительнаго акта, въ которомъ говорилось, что братья Мельниковы на публичной бесѣдѣ въ Измаилѣ, происходившей въ соборномъ храмѣ, называли православную церковь «помойной лоханью» и «мерзостью», а святыя иконы — «куклами», на обычный вопросъ предсѣдателя подсудимый Василій Мельниковъ отвѣчалъ, что виноватымъ въ кощунствѣ себя не признаетъ. Приступлено было къ допросу свидѣтелей. Семеро изъ нихъ, православные, показали, что Василій и Ѳедоръ Мельниковы на бесѣдѣ 31-го января дѣйствительно называли публично святую церковь «помойной лоханью», «мерзостью», а святыя иконы православнаго храма «куклами»; трое же, вызванные со стороны защиты, мѣстные раскольники, показали напротивъ, что никакой брани на церковь Мельниковы не произносили, а только на бранныя

выраженія миссіонера о. Крючкова отвѣтили бранью же лично ему; при этомъ, въ доказательство якобы оказаннаго Василіемъ Мельниковымъ даже особаго уваженія къ церкви, сослались на то, что будто бы онъ предъ началомъ бесѣды начàлъ положилъ, чего, разумѣется, вовсе не было. Показаніямъ свидѣтелей-раскольниковъ, какъ и слѣдовало ожидать, судъ оказалъ полное довѣріе и рѣшительное предпочтеніе предъ показаніями православныхъ свидѣтелей, такъ что и самъ г. прокуроръ отъ обвиненія Василія Мельникова отказался; въ отношеніи же къ отсутствующему Ѳедору Мельникову не нашелъ возможнымъ отрицать, что онъ называлъ церковь «помойной лоханью» и «мерзостью», а иконы «куклами», но въ виду того, что онъ вызванъ было къ этому будто бы бранью (на кого?) со стороны миссіонера и въ виду его якобы только 16-лѣтняго возраста, предложилъ оказать ему снисхожденіе. Выступилъ на сцену и защитникъ подсудимыхъ, съ фамиліей, ясно обличающей его происхожденіе изъ духовнаго званія (Увы! такимъ, отъ насъ изшедшимъ, но не сущимъ отъ насъ, имя легеонъ!). Адвокатъ сей былъ еще откровеннѣе г. прокурора: поглумившись, сколько ему угодно было, надъ православнымъ миссіонеромъ, бесѣдовавшимъ съ Мельниковыми, онъ этихъ послѣднихъ назвалъ мальчишками, съ которыми миссіонерамъ вовсе не слѣдуетъ вступать и въ бесѣды, а о младшемъ, Ѳедорѣ, сказалъ даже, что это безумный, увлекающійся мальчишка, которому по молодости можно простить все. За симъ состоялось и опредѣленіе суда, коимъ Василій Мельниковъ объявленъ вполнѣ оправданнымъ, а Ѳедоръ хотя и признанъ виновнымъ въ обозваніи церкви «помойной ямой», и «мерзостью», а иконъ православныхъ «куклами», но, въ виду его молодости, заслуживающимъ снисхожденія, а потому и приговоренъ только къ четырехдневному аресту при полиціи...

Таково рѣшеніе «праваго и милостиваго» суда! Наученные безчисленными примѣрами такихъ судовъ надъ раскольниками, мы не только не удивляемся ему, но, какъ извѣстно читателямъ, напередъ говорили, что судъ надъ Мельниковыми кончится ихъ оправданіемъ (четырехдневный арестъ при

полиціи, полагаемъ, тоже своего рода оправданіе). Но въ этомъ судѣ есть подробности, невольно останавливающія на себѣ вниманіе.

Даже судъ призналъ доказаннымъ, что Ѳедоръ Мельниковъ публично называлъ православную церковь «помойной лоханью», «мерзостью», и святыя иконы «куклами». Вникнули ли гг. судьи въ смыслъ этихъ возмутительнѣйшихъ раскольническихъ ругательствъ на православную церковь? Мы не знаемъ, кто эти судьи и къ какой религіи принадлежатъ; но если они православные, то вѣдь г-нъ Мельниковъ и ихъ самихъ публично назвалъ находящимися въ «помойной лохани» и въ «мерзости», идолопоклонниками. И если сами они не въ претензіи за это, — особенно же, если для нихъ недорога купленная цѣною крови Христовой православная церковь, если они не находятъ особенно важнаго преступленія въ томъ, что раскольники публично называютъ ее — нашу спасающую и сердобольную матерь «помойной лоханью» и «мерзостью», а иконы ея «куклами», то по крайней мѣрѣ вспомнили бы, какое это оскорбленіе для многомилліоннаго православнаго русскаго народа, а что̀ всего важнѣе — вспомнили бы, что первый Сынъ и Покровитель церкви, которую Мельниковы дерзнули поносить такими страшными ругательствами, есть православный Царь, и оскорбленіе церкви такими ругательствами есть вмѣстѣ оскорбленіе именно перваго ея Сына и Покровителя!.. А намъ говорятъ, что мы оклеветали Мельниковыхъ, наименовавъ оскорбителями священной особы Государя Императора! Люди, которые публично, по признанію самого суда, называли православную церковь «помойной лоханью» и «мерзостью», православныя иконы «куклами», несомнѣнно могли произнести и тѣ слова о православномъ Государѣ, какія намъ передавали... Упомянемъ кстати о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Когда на судѣ одинъ изъ православныхъ свидѣтелей началъ говорить, что Мельниковы, доказывая мнимое неправославіе церкви ея будто бы подчиненіемъ свѣтской власти, — тѣмъ, что у насъ будто бы Царь есть глава церкви, сказали: «хорошо одинъ французскій

епископъ далъ вамъ за это по мордѣ (новый образчикъ деликатныхъ Мельниковскихъ выраженій!), а мы дадимъ получше!» — когда свидѣтель сталъ это показывать, то предсѣдатель остановилъ его и потребовалъ отвѣта только на вопросъ: называли ли Мельниковы церковь «лоханью» и «мерзостью»? А показаніе, очевидно, вело къ раскрытію оскорбленій царской власти, публично произнесенныхъ Мельниковыми.

За признанную самимъ судомъ, публично произнесенную Ѳедоромъ Мельниковымъ страшную брань на православную церковь, за оскорбленіе этимъ всего православнаго русскаго народа съ его православнымъ Государемъ во главѣ, судъ далъ полное снисхожденіе ругателю въ уваженіе его молодости, такъ какъ ему будто бы всего 16 лѣтъ отъ роду, и, по выраженію защитника, это не болѣе какъ увлекающійся мальчишка. Любопытно бы знать, изъ какой метрики гг. судьи взяли свѣдѣніе о возрастѣ Мельникова. Во всякомъ случаѣ, это свѣдѣніе весьма сомнительнаго достоинства. Адвокатъ же въ своемъ сообщеніи о возрастѣ Ѳедора Мельникова впалъ въ противорѣчіе самому себѣ: назвавъ его шестнадцатилѣтнимъ мальчишкой, онъ однако упоминалъ въ своей рѣчи, что Мельниковъ пріѣзжалъ въ Измаилъ даже не для бесѣдъ о расколѣ, а въ качествѣ жениха. Ужели шестнадцатилѣтній мальчишка можетъ быть женихомъ, можетъ вступать въ бракъ? У раскольниковъ, конечно, дозволяется и это; но и наружность Ѳедора Мельникова показываетъ въ немъ не шестнадцатилѣтняго мальчишку. И развѣ могли бы московскіе велемудрые братчики въ своемъ адресѣ называть мальчишку «воиномъ Христа», «посланнымъ Духомъ Святымъ на *брань* со врагами древняго благочестія» (т.-е. посланнымъ *бранить* церковь Христову «помойной лоханью»?)? Нѣтъ, — Ѳедоръ Мельниковъ совсѣмъ не мальчишка, и шестнадцатилѣтній возрастъ усвоенъ ему только ради возможности дать снисхожденіе въ судебномъ приговорѣ. А между тѣмъ этотъ снисходительный судебный приговоръ можетъ имѣть, и по всей вѣроятности будетъ имѣть, послѣдствіемъ вотъ что. теперь

раскольники могутъ смѣло выпускать на публичныя бесѣды, подъ видомъ шестнадцатилѣтнихъ мальчишекъ, всякихъ ругателей на православную церковь, которые будутъ оскорблять ее и весь православный народъ бранью къ какой только способны (а въ этомъ отношеніи они обладаютъ рѣдкою способностью!). Вѣдь назвать при тысячахъ слушателей православную церковь «помойной лоханью», «мерзостью», иконы ея «куклами» стóитъ только четырехъ дней ареста при полиціи! Какой раскольникъ не согласится подвергнуть себя такому наказанію, которое его покровители позаботятся притомъ окружить даже комфортомъ, изъ котораго онъ выйдетъ на пятый день съ ореоломъ «страдальца за вѣру» для полученія адресовъ и подачекъ всякаго рода отъ раскольническихъ щедротъ, каковыми осыпанъ, конечно, и великій «страдалецъ» Ѳедоръ Мельниковъ!

Судебный приговоръ въ Измаилѣ произвелъ на мѣстное православное общество удручающее впечатлѣніе, каковое, безъ сомнѣнія, произведетъ и на всѣхъ православныхъ наше извѣстіе о семъ приговорѣ. Зато раскольники въ Измаилѣ ликовали, а теперь, надобно полагать, ликуютъ и по всей Россіи. Какъ ликовали раскольники еще ранѣе суда, кончившагося такимъ торжествомъ для нихъ, — еще вскорѣ послѣ бесѣды, на которой Мельниковы издѣвались надъ православною церковію, называя ее «помойной лоханью» и «мерзостью», — торжествовали даже не рядовые, малограмотные раскольники, а сами ихъ именуемые епископы, на это мы имѣемъ документальное доказательство. Прошлый разъ мы привели интересное письмо Анастасія Измаильскаго къ Силуану, гдѣ онъ является разумнымъ обличителемъ возмутительнѣйшаго кощунства, коимъ заражено все пресловутое австрійское согласіе, совершающее литургіи «вмѣсто мученическихъ (мощей) на трупахъ некрещенныхъ черкесъ», по собственному выраженію Анастасія. А теперь не угодно ли послушать, какъ тотъ же Анастасій восписуетъ непозволительнѣйшія похвалы ругателямъ православной церкви, братьямъ Мельниковымъ, изъ коихъ одного и самъ «милостивый» судъ

признанъ виновнымъ въ кощунствѣ. Намъ доставлена копія его благодарственнаго посланія къ Еѳиму Мельникову и его супругѣ, произведшимъ на свѣтъ такихъ героевъ раскола, какъ Василій и Ѳедоръ Мельниковы. Копіи этого письма, очевидно, ходятъ по рукамъ среди стародубскихъ раскольниковъ: значитъ письмо не составляетъ секрета, и мы имѣемъ право воспроизвести его во всей его полнотѣ и красотѣ.

Ваше Высокопреподобіе

св. служитель іерей б. о. Евѳимій и Анна Николаевна,
съ вашими дорогими чады миръ и Божіе благословеніе.

Симъ имѣю честь и спѣшу выразить мою глубокую признательность и сердечную благодарность священнѣйшему отцу и матери за вашихъ прекрасныхъ и дорогихъ чадъ Василія и Ѳедора Еф.

Ваши дѣти въ нашу страну принесли небесный миръ[1]) они превзошли витійствомъ самихъ себя и всѣ наши ожиданія[2]). Кто думалъ, что найдутся въ настоящее развращенное время Даніилы, обличители беззаконнующихъ-любодѣющихъ старцевъ[3]). Эти юноши удивили всѣхъ своею стойкостью и хладнокровіемъ противъ іезуитскихъ пріемовъ; нашъ край ваши дѣти воодушевили, почти большое количество спасли отъ неменуе-

---

[1]) Все христіанство вѣруетъ, что небесный миръ снесенъ на землю Христомъ Спасителемъ, какъ возвѣстили и ангелы при Его рожденіи, по словамъ же раскольническаго лжеепископа, въ его епархію, должно быть, лишенную принесеннаго Христомъ небеснаго мира, принесли этотъ миръ два брата Мельниковы! О, кощунствующій лжеепископъ!

[2]) Конечно,— называя православную церковь „помойной лоханью“ и „мерзостью“, Мельниковы превзошли, если не себя, то ожиданія всѣхъ разумныхъ и честныхъ людей; но ожиданія разныхъ Анастасіевъ едва ли превзошли. Кстати, подумалъ бы Анастасій, что если и онъ, вмѣстѣ съ Мельниковыми, признаетъ православную церковь „помойной лоханью“ и „мерзостью“, то вѣдь его предки почти два столѣтія изъ этой „лохани“ принимали бѣглыхъ поповъ и потомъ приняли бѣглаго митрополита, отъ котораго и самъ онъ мнится имѣть хиротонію.

[3]) Если такъ ругаются надъ служителями православной церкви сами раскольническіе епископы, то можно ли удивляться возмутительной брани раскольническихъ „мальчишекъ“ (говоря языкомъ г. адвоката)?

мой погибели никоніанства[1]). Не прилести эти два птенца вовремя спасти нашихъ овецъ, орлы вмѣстѣ съ волками пожалуй многихъ бы уловили въ свою имъ погибель.

Наша вся сторона нарекла имъ имя спасителей, эти дѣти, нѣтъ они исполнины и богатыри, Давидъ побѣждаетъ одного Галіафа, а Вася и Ѳедя ихъ побѣждаютъ около дюжины и самого гиганта Крючкова обезобразютъ какъ сатану[2]), болѣе кажись эти иноплеменники (!) не будутъ возставать на наше священное достояніе, теперь они послѣ катастрофы обрушившейся на ихъ головы не скоро будутъ охотиться ловить невинныхъ въ погибель свою. Кажись эти прожорливые медвѣди, трусливые какъ зайцы, на всю зиму залягутъ въ свои берлоги сосать лапы свои вмѣсто совращенія христіанскихъ душъ. Мы отъ души радуемся о вашихъ дѣтяхъ естественныхъ, пусть они будутъ наши духовныя дѣти, дай Богъ, чтобы они сохранили эту позицію, даже лучше итти впередъ, чѣмъ отступать назадъ[3]), ихъ сопровождала у насъ толпа несчисленная, и этотъ день былъ праздникомъ для всѣхъ, они два стояли на полѣ битвы грудью, противъ многочисленныхъ враговъ, а въ побѣдѣ все старообрядчество торжествовало и корысть раздѣляли многу, ими одержанную побѣду на полѣ битвы.

Вашъ доброжелатель и истинно любящій васъ съ вашими дѣтьми Анастасій епископъ.

Измаилъ, 24 февраля.

Полагаемъ, что этимъ письмомъ достаточно характеризуется расколъ съ его мнимыми епископами и героями. Любопытно, какое еще хвалебное посланіе напишетъ, или написалъ уже, Анастасій по поводу суда надъ его «орлами» и «спасителями» измаильскаго раскола! По поводу приведеннаго письма

[1]) Вотъ невольное признаніе самого лжеепископа, что среди старообрядцевъ его паствы существуютъ большія сомнѣнія относительно раскола и есть расположеніе къ православной церкви. Да и можно ли удивляться этому, когда австрійскіе лжеепископы и лжепопы служатъ свои литургіи на „трупахъ некрещенныхъ черкесъ“!

[2]) Какое озлобленіе и какой раскольническій фанатизмъ нужно имѣть, чтобы писать такое кощунство и такую брань!

[3]) Это значитъ, что если Мельниковы на настоящей „позиціи“ называютъ православную церковь „помойной лоханью“ и „мерзостью“, то владыка — Анастасій благословляетъ ихъ идти еще дальше въ ругательствахъ на нее, если только возможно это. Наставленіе, вполнѣ достойное раскольническаго лжеепископа!

его, мы только не можемъ не выразить удивленія, какъ это велемудрый Анастасій, восписуя превыспреннія похвалы юнымъ Мельниковымъ, не примѣтилъ, что вѣдь при этомъ онъ выставляетъ самого себя въ самомъ жалкомъ видѣ. Если Мельниковы «спасли» измаильскихъ раскольниковъ «отъ *неминуемой* погибели никоніанства», если безъ этихъ «двухъ птенцовъ, во́-время явившихся» «многіе» раскольники оставили бы расколъ, то чего же смотрѣлъ самъ-то именуемый епископъ Измаильскій Анастасій? почему самъ-то онъ такъ плохо стережетъ свое стадо отъ «волковъ», что многія его овцы неминуемо ушли бы изъ его стада, если бы не явились «во́ время» «орлы» — Мельниковы? Итакъ, по его собственному признанію, расколъ силенъ не своими мнимыми епископами, а «мальчишками»-ругателями церкви.

5. Недовольство раскольниковъ обнародованіемъ Анастасіева письма о мнимыхъ раскольническихъ мощахъ.—Ругательная тетрадка, изданная раскольническими „братчиками“.—Съѣздъ раскольниковъ-поповцевъ подъ Москвой и неудачная попытка ихъ достигнуть примиренія.

Еще во время Мельниковскихъ поѣздокъ въ Измаилъ Анастасій и прочіе бывшіе въ Измаилѣ раскольническіе дѣятели, какъ передаютъ намъ, были до крайности смущены и озабочены обнародованіемъ Анастасіева письма къ Силуану о черкесскихъ трупахъ, распространенныхъ Антоніемъ Шутовымъ и распространявшихся Силуаномъ замѣсто святыхъ мощей для положенія въ антиминсы, на которыхъ и служатъ теперь раскольническіе лжепопы австрійскаго поставленія свои обѣдни. Застигнутый неожиданно такимъ прискорбнымъ для него обнародованіемъ, Анастасій, какъ слышно, имѣлъ даже смѣлость отказаться отъ своего письма и обѣщалъ печатно объявить, что обнародованное письмо его подложное, что такого письма онъ не писалъ къ Силуану, а сочинили его враги «древняго благочестія» — никоніяне. Мы понимаемъ, что Анастасій оказался въ крайне непріятномъ положеніи, неожиданно явившись публичнымъ свидѣтелемъ и обличителемъ одного изъ возмутительнѣйшихъ, самыхъ кощунственныхъ явленій въ австрійскомъ расколѣ; но напрасно онъ думаетъ выдти изъ

этого положенія тѣмъ способомъ, къ которому хочетъ прибѣгнуть, то-есть посредствомъ лжи, — она не поможетъ. Конечно, Силуанъ не выступитъ обличителемъ его лжи, — въ интересахъ раскола не станетъ опровергать его и не будетъ говорить, кому не слѣдуетъ, что напечатанное письмо Анастасія въ подлинникѣ было дѣйствительно получено имъ; положимъ, что и раскольники австрійскаго толка охото повѣрятъ отрѣченію Анастасія отъ его собственнаго рукописанія. Но вѣдь это рукописаніе, при выходѣ Силуана изъ его монастыря, обращеннаго теперь въ единовѣрческій, взятое вмѣстѣ съ прочими оставленными имъ бумагами, въ подлинникѣ хранится, гдѣ слѣдуетъ, и въ случаѣ надобности можетъ быть воспроизведено фотографически: тогда, на фотографическомъ снимкѣ, каждый знакомый съ почеркомъ Анастасія увидитъ, что это дѣйствительно подлинное его рукописаніе и Анастасія постигнетъ только новый позоръ, — что отрекается отъ своего собственнаго произведенія. Нѣтъ, — какъ бы ни сѣтовали, какъ бы ни сердились, что̀ бы ни придумывали Анастасій и его друзья Мельниковы, вмѣстѣ съ прочими ревнителями австрійскаго лжесвященства, а то останется несмываемымъ пятномъ на семъ священствѣ, что оно, по засвидѣтельствованію самого ихъ лжеепископа, служило и служитъ обѣдни на антиминсахъ съ частицами черкесскихъ труповъ, вмѣсто святыхъ мощей; никакія отреченія, никакія попытки Анастасія поправить дѣло, не уничожатъ этого позорнаго пятна, какъ и всѣхъ прочихъ, которыми покрыто австрійское лжесвященство...

Досада и огорченіе ревнителей австрійскаго лжесвященства, причиненныя оглашеніемъ Анастасіева письма, по крайней мѣрѣ естественны и понятны; но вотъ что̀ неожиданно и достойно удивленія: не менѣе, если не болѣе ихъ, разобидѣлся и разогорчился этимъ оглашеніемъ г. Бугровъ — всесильный владыка нижегородскаго и всероссійскаго бѣглопоповства! Намъ передаютъ достовѣрные послухи, что когда г. Бугровъ прочиталъ въ нашей Лѣтописи письмо Анастасія, то разразился такой площадной бранью на насъ (и именно на насъ),

какая совсѣмъ уже не подобаетъ его высокостепенству. Извѣстно, что Николай Александровичъ Бугровъ, изображающій собою не одинъ, а многое множество набитыхъ золотомъ мѣшковъ, есть великая сила, предъ которою склоняются покорно даже высокія власти въ Нижнемъ Новѣгородѣ и далеко за предѣлами Нижняго Новагорода: такой могучей силѣ надлежало бы вести себя съ подобающимъ достоинствомъ и спокойствіемъ въ отношеніи къ людямъ и малосильнымъ и совсѣмъ ему не вѣдомымъ, а не ругаться по-мужицки. Или русскаго раскольника, какъ ни густо покрытъ онъ золотомъ и въ какомъ обществѣ ни обращался бы, стóитъ немного поскоблить, чтобы вполнѣ обнаружилась его мужицкая натура? И почему г. Бугровъ опрокинулся своимъ гнѣвомъ и бранью собственно на насъ? Развѣ мы виноваты въ томъ, что письмо Анастасія обнародовано? Развѣ мы первые напечáтали его? Мы, напротивъ, указали прямо, что заимствуемъ его изъ «Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», гдѣ оно впервые появилось и сопровождено предисловіемъ, сообщающимъ свѣдѣнія о черкесскихъ трупахъ. Щадя религіозное чувство старообрядцевъ, мы даже признали за лучшее не приводить нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній, какъ напримѣръ то, что вмѣстѣ съ черкесскими костями валялись въ пещерѣ кости собаки. Г-ну Бугрову слѣдовало бы оцѣнить нашу деликатность; а онъ ругается неприличными словами! Видно, никакой деликатностью въ сужденіяхъ о расколѣ не заслужить намъ благоволенія разныхъ г-дъ Бугровыхъ! Достаточно для нихъ одного нашего имени, чтобы разразиться гнѣвомъ и бранью, не разбирая, виноваты мы, или нѣтъ. И все это потому, что мы не руководимся очень удобнымъ для жизни правиломъ древняго мудреца: *не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе; обличай премудра, и возлюбитъ тя.* Но вѣдь мы обличаемъ творящихъ зло не намъ лично, или кому-либо другому, а нашей матери церкви, — зло, котораго не можетъ не обличать, противъ котораго не можетъ не бороться каждый истинно преданный церкви сынъ ея; и за обличеніе творящихъ это зло мы готовы съ радостію терпѣть отъ нихъ всякое поношеніе и брань.

Однако мы еще не сказали главнаго. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что г. Бугровъ ругается, и ругаетъ именно насъ, — дѣло собственно въ томъ, по какому поводу, или за что̀ онъ ругается. Напечатано письмо лжеепископа Анастасія, въ коемъ обличается возмутительное кощунство, распространенное въ австрійскомъ лжесвященствѣ. Что же до этого г-ну Бугрову? Вѣдь онъ бѣглопоповецъ, ревнитель бѣглопоповства, и вмѣстѣ со всѣми бѣглопоповцами, казалось бы, долженъ ликовать, что обличено безобразіе ненавистной имъ австрійской іерархіи? А между тѣмъ онъ оскорбленъ до глубины души обличеніемъ, позорящимъ австрійскую іерархію, какъ будто оскорбленіе нанесено лично ему самому, и разражается бранью на людей, ничѣмъ не виноватыхъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что̀ любопытно и достойно было бы удивленія, если бъ мы не знали что̀ такое г-нъ Бугровъ. Настоящій случай интересенъ и важенъ именно потому, что служитъ подвержденіемъ того, что̀ мы всегда говорили о Бугровѣ. Будучи бѣглопоповцемъ и поддерживая бѣглопоповство, а предъ высокими властями выдавая себя единственно желающимъ свободно получать бѣгствующихъ отъ Великороссійской церкви іереевъ и открещиваясь отъ всякихъ сношеній съ австрійскими дѣльцами, отъ всякой соприкосновенности къ австрійскому лжесвященству, на самомъ дѣлѣ онъ столько же, если не болѣе, дорожитъ австрійскимъ лжесвященствомъ, какъ и бѣглопоповскимъ. Иначе какая была ему надобность оскорбляться обнародованіемъ Анастасіева письма? И развѣ не давно уже извѣстенъ онъ какъ покровитель Швецова и другихъ австрійскихъ дѣятелей? Въ сущности, г-ну Бугрову дорогъ расколъ во всѣхъ его видахъ, во всѣхъ его сектахъ, даже, полагаемъ, и безпоповскихъ, — дорогъ, какъ отрицаніе церкви и православія, какъ вражда имъ, ибо и самъ онъ есть ожесточенный, но прикрывающійся лукавствомъ, врагъ церкви и православія. Вся его дѣятельность (не торговая, конечно) направлена къ тому, чтобы поддержать, укрѣпить и распространить расколъ во всѣхъ его видахъ и тѣмъ причинить вредъ ненавистной ему православной церкви. При своихъ сильныхъ связяхъ, при сво-

емъ громадномъ богатствѣ, при раболѣпствѣ власти, ослѣпленной этимъ богатствомъ и вовсе не дорожащей православіемъ, а конечно и религіей вообще, онъ дѣйствуетъ въ этомъ направленіи вполнѣ свободно и открыто, если же явится нужда предъ кѣмъ-либо изъ высокихъ лицъ замаскировать эту свою дѣятельность, у него есть средства отвести имъ глаза отъ своихъ прямыхъ намѣреній и цѣлей: изъ своихъ милліоновъ онъ удѣляетъ десятки и сотни тысячъ на благотворительныя учрежденія, назначаемыя безразлично и для раскольниковъ и для православныхъ. И вотъ онъ пріобрѣтаетъ у тѣхъ, кто ему нужны, репутацію безпримѣрнаго старообрядца-благотворителя, въ своей мнимой вѣротерпимости не дѣлающаго различій между старообрядцами и православными, глаза нужныхъ ему людей отведены въ сторону, руки его уже вполнѣ развязаны, — и онъ спѣшитъ вознаградить себя за непріятное и нѣсколько убыточное притворство вящшимъ усердіемъ въ пропагандѣ раскола, не щадя на нее никакихъ издержекъ. При его щедротахъ навѣрное возникнетъ изъ пепла и сгорѣвшая городецкая часовня, хотя рядомъ и воздвигнуто уже новое великолѣпное зданіе съ раскольническою церковію; при его щедротахъ и Швецовъ съ своимъ безграмотнымъ «владыкой», будетъ наслаждаться полнымъ спокойствіемъ и довольствомъ, равно какъ всякій раскольникъ, — чѣмъ злѣе, тѣмъ лучше, — найдетъ у него пріютъ и покровительство. Вотъ въ комъ сила раскола, — въ этихъ набитыхъ золотомъ раскольническихъ мѣшкахъ, въ Бугровыхъ, Морозовыхъ и проч. Не будь ихъ, не поддерживай они расколъ, расколъ умеръ бы своей естественной смертью.

Окончивъ рѣчь о г. Бугровѣ по поводу его совсѣмъ напрасной брани на насъ за напечатаніе Анастасіева письма, мы невольно вспомнили о другихъ подобныхъ ругателяхъ (довольно мы имѣемъ ихъ среди раскольниковъ, — на это пожаловаться нельзя!). Московскіе «братчики», Бриліантовъ и его достойные сотоварищи, какъ извѣстно, печатаютъ на гектографѣ и распространяютъ на потѣху раскольникамъ, между множествомъ другихъ своихъ изданій, пасквильныя

тетрадки и балаганные стишки въ родѣ «райковъ» (И пусть бы упражнялись они въ этой, столь приличной имъ, площадной литературѣ, только бы не касались догматовъ вѣры, которые искажаютъ какъ истые еретики и не писали бы клеветъ на православную церковь!). Не давно получили мы одну изъ такихъ пасквильныхъ тетрадокъ, тщательно отпечатанную на гектографѣ и озаглавленную: «Кража Устава Бѣлокриницкаго монастыря». Это есть, какъ объясняютъ братчики — издатели, перепечатка статьи, напечатанной въ газетѣ Николы Чернышева «Древняя Русь» за прошлый 1893 годъ, гдѣ явилась она, конечно, по заказу тѣхъ же «братчиковъ» (Не даромъ же они поспѣшили перепечатать ее!). А статью составляетъ безъименное письмо какого-то раскольника (безъ сомнѣнія «братчика» же, вѣроятно самого Бриліантова), присланное намъ въ 1888 году (съ тѣхъ поръ г. Бриліантовъ, вѣроятно, и сгоралъ желаніемъ видѣть его въ печати, пока наконецъ не удовлетворилъ этому желанію чрезъ посредство Николы Чернышева): письмо сопровождено въ газетѣ и тетрадкѣ, такъ сказать, предисловіемъ и послѣсловіемъ. Все это, — и письмо и приложенія, — проникнуто, какъ и слѣдовало ожидать, страшной ненавистью къ нашей особѣ и бранью. Письмо, какъ припоминаемъ теперь, мы дѣйствительно получили и, прочитавъ его, спокойно бросили въ корзину, откуда оно пошло затѣмъ въ печку, вслѣдъ за другими подобными, какія уже случалось намъ неоднократно получать отъ столь любящихъ насъ гг. раскольниковъ. Но Никола Чернышевъ, или Бриліантовъ, какъ будто присутствовали у насъ въ кабинетѣ при полученіи письма и были свидѣтелями необыкновеннаго впечатлѣнія, будто бы имъ произведеннаго. Мы приведемъ, что̀ говорятъ они объ этомъ въ предисловіи къ печатному письму, чтобы читатели могли судить по этому образчику, въ какомъ тонѣ составлена и какою бранью уснащена вся эта изданная «братчиками» тетрадка. Вотъ подлинныя слова Чернышева-Бриліантова:

Письмо было послано г. Субботину въ 1888 году. Получивъ такой неожиданный сюрпризъ (!) этотъ волкъ, прикрываю-

щійся одеждою овчею, разинулъ свою пасть во все профессорское горло и, поднявъ свою лапу, заоралъ съ угрозой неизвѣстному ему подписавшемуся (неподписавшемуся?) подъ письмомъ старообрядцу, что «ему не поздоровится!» Силенъ былъ вой этого волка, такъ, что всѣ студенты Московской духовной академіи всполошились и поиспугались, опасаясь какъ бы не ударило его въ бѣшенство. Но, слава Богу, дѣло обошлось благополучно: волкъ, довольно попрыгавъ по академіи, успокоился[1]); обѣщаніе свое, чтобы отвѣтить на письмо старообрядца не исполнилъ, за неимѣніемъ словъ оправданія (!) противъ сказанной въ письмѣ справедливости (?!)[2]). А старообрядецъ, писавшій г. Субботину письмо доселѣ, слава Богу, здравствуетъ,[3]) и благодаритъ Бога, что онъ помогъ ему хотя и анонимно[4]), но все-таки достаточно обличить волка, который такъ нагло, такъ безсовѣстно попираетъ русскій законъ, карающій безпощадно и воровъ и пользующихся завѣдомо краденымъ.

Но въ чемъ же дѣло? За что насъ обвиняетъ раскольникъ даже въ «попраніи русскаго закона, карающаго безпощадно и воровъ и пользующихся завѣдомо краденымъ». Сначала, съ величайшимъ негодованіемъ упомянувъ о томъ, что мы будто бы несправедливо называемъ раскольниковъ безнака-

---

1) Чтобы судить, насколько правдоподобна эта фантастическая картина, написанная изящной рукой Чернышева — Бриліантова, надобно замѣтить, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, мы и жили не въ Академіи, а только приходили туда два раза въ недѣлю для чтенія лекцій. Г. Чернышевъ долженъ бы знать это, ибо въ эту посадскую квартиру приходилъ къ намъ на поклонъ и изъ нея ушелъ разобиженный, не будучи нами принятъ въ силу усвоеннаго нами правила — не имѣть никакихъ сношеній съ подобными господами.

2) Никаго обѣщанія, разумѣется, не было: ибо кто же отвѣчаетъ на безъименныя письма?

3) Не только здравствуетъ и живетъ въ довольствѣ, но и продолжаетъ писать пасквили: ибо написалъ и напечаталъ послѣ этого „Райки“.

4) А какъ же выше было сказано, что старообрядецъ „подписался подъ письмомъ“? Сама себя выдаетъ ложь! И если была „сказана въ письмѣ справедливость“, зачѣмъ было говорить ее „анонимно“? Нѣтъ, — видно совѣсть нечиста, коли человѣкъ прячется: *любяй истину грядетъ къ свѣту.*

занно нарушающими законъ, «днемъ и ночью (?) кричимъ объ этомъ во все горло», онъ продолжаетъ:

Теперь постараемся указать, что не старообрядцы есть нарушители издаваемыхъ законовъ верховною властію, но вы г. профессоръ — обвинитель. Вотъ фактъ: въ 1874 году вами издана книга подъ названіемъ: «Исторія Бѣлокриницкой іерархіи», въ которой напечатанъ и «уставъ Бѣлокриницкаго монастыря», подлинникъ котораго хранится въ Хлудовской библіотекѣ, что при Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ. Но просимъ васъ г. профессоръ, объясните: какъ и какимъ образомъ подлинникъ бѣлокриницкаго устава, долженствующій находиться въ архивѣ Бѣлокриницкаго монастыря, очутился въ вашихъ рукахъ и наконецъ въ Хлудовской библіотекѣ?

Не надѣясь, однако, что получитъ отъ насъ отвѣтъ на этотъ вопросъ (хотя давно уже было отвѣчено на него), таинственный сочинитель письма «старается» самъ «разрѣшить» его намъ слѣдующимъ образомъ:

Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря былъ украденъ шайкою отступниковъ православія (?!) подъ руководствомъ — какъ публично каялся (?) въ кремлѣ — Пафнутія бывшаго іеромонаха Чудова монастыря (нынѣ возвратившагося въ лоно православной церкви (?). Этимъ краденымъ г. Субботинъ воспользовался и напечаталъ его въ вышепомянутой книгѣ, «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи». Почему и просимъ г. Субботина намъ разъяснить, что законы издаваемые верховною властію какъ относятся къ ворамъ и принимающимъ завѣдомо краденое? А также воры и принимающіе краденное нарушаютъ ли законы, издаваемые верховною властію? Г. Субботинъ указывалъ на старообрядцевъ, что они нарушаютъ законы, издаваемые верховною властію, безнаказанно, то скажите, г. профессоръ, что воры, укравшіе уставъ Бѣлокриницкаго монастыря, и вы, какъ принявшій и пользовавшійся краденымъ, какому были подвергнуты наказанію, какъ по вашимъ же словамъ заслуживающіе таковое по законамъ русскаго государства, издаваемыхъ (мымъ?) верховною властію? — Не стыдись же, отвѣчай г. профессоръ!

О, жалкій, хотя и ликующій, раскольническій анонимъ, погоди ликовать преждевременно! Намъ стыдиться нечего, и на всѣ твои вопросы мы дадимъ отвѣтъ. Но мы еще не кончили съ изложеніемъ тетрадки. Вслѣдъ за анонимнымъ

сочинителемъ письма выступаетъ самъ Никола Чернышевъ. Этотъ господинъ, въ качествѣ газетчика, хотя и безграмотнаго, воображающій, что къ тому вздору, который онъ помѣщаетъ въ своей убогой газеткѣ, прислушиваются иностранные кабинеты, а особенно россійскія правящія сферы, начинаетъ говорить свысока, именно съ поученіями властителямъ и судіямъ:

Помѣщая это письмо (говоритъ газетчикъ — Никола), мы имѣли въ виду не то, чтобы *только*, какъ говорится, насолить г. Субботину, но *ставимъ на видъ кому надлежитъ вѣдать*, что русскій законъ оказывается не для всѣхъ одинаковъ. Говоря и *ставя на видъ* такое (?) наглое нарушеніе закона [1]), мы *крайне сожалѣли* что нарушается верховная воля русскаго Императора[2]), который по присущей ему справедливости, никоимъ образомъ не дозволяетъ нарушать законъ, какъ писанный для всѣхъ воровъ[3]) и всѣхъ принимающихъ краденое въ одинаковой степени. И на самомъ дѣлѣ, если крючниковъ, или слесаря, за кражу подшипника, и лавочника купившаго оный, осуждаютъ въ тюрьму, то почему же прощаютъ[4])... тѣхъ, которые пользуются безо всякой застѣнчивости чужой собственностію безъ всякаго на то разрѣшенія владѣльцевъ, какъ это поступилъ (это поступилъ!) магикъ профессоръ Московской духовной академіи г. Субботинъ! Впрочемъ можно думать, что русскій законъ... для профессора г. Субботина не писанъ еще[5]).

---

[1]) „Говоря нарушеніе закона“ — вотъ какъ выражается велемудрый издатель заграничной раскольнической газеты!

[2]) Верховная воля постоянно нарушается именно нашими раскольниками: значитъ, объ этомъ и „сожалѣетъ крайне“ Никола Чернышевъ, самъ принадлежащій къ шайкѣ этихъ нарушителей? — Въ добрый часъ! Пора покаяться!

[3]) „Законъ писанъ для воровъ“! — Вотъ какъ разсуждаетъ и выражается раскольническій газетчикъ!

[4]) Здѣсь, ни къ селу, ни къ городу, Никола Чернышевъ говоритъ о кражѣ въ Чудовомъ монастырѣ, что будто бы похитителей, совсѣмъ не разысканныхъ, „простили“, потому только, что они монахи. Мы пропускаемъ эти слова, какъ совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу.

[5]) Если, по мудрому изреченію Николы, „законъ писанъ для воровъ“, то для насъ, конечно, не писанъ.

Таково содержаніе напечатанной и распространяемой московскими «братчиками» тетрадки. Въ ней, какъ видятъ читатели, г-нъ Бриліантовъ, — если и не онъ писалъ анонимное письмо, то несомнѣнно, что онъ издалъ тетрадку, а потому мы съ полнымъ правомъ можемъ называть его, — г-нъ Бриліантовъ съ своими «братчиками» и раскольническій газетчикъ торжественно обличаютъ насъ въ пользованіи краденымъ, и съ необыкновенной наглостью требуютъ, чтобы «не стыдясь», отвѣтили имъ на ихъ юридически поставленные три вопроса: 1) «воры и принимающіе краденое нарушаютъ ли законы, изданные верховною властію»? 2) наказываетъ ли законъ воровъ и принимающихъ краденое? 3) «какому подвергнуты наказанію укравшіе уставъ Бѣлокриницкаго монастыря» и вашъ покорный слуга, «какъ принявшій и пользовавшійся краденымъ»?

Но вѣдь вы, жалкіе допросчики, ищете вчерашняго дня. Еще въ 1875 году, въ рѣчи на публичномъ академическомъ собраніи, гдѣ присутствовали даже нѣкоторые изъ вашихъ поповъ, мы изложили исторію пріобрѣтенія нами для изслѣдованій объ австрійскомъ расколѣ большей части Бѣлокриницкаго архива [1]). Рѣчь эту мы потомъ напечатали въ «Брат-

[1]) Любопытно, что и „братчики“, и Никола говорятъ о кражѣ собственно Устава Бѣлокриницкаго монастыря, а не архива, въ которомъ, среди другихъ весьма важныхъ документовъ, оказался и Уставъ. Это очень понятно, — лишеніе подлиннаго устава для нихъ особенно чувствительно, во-первыхъ потому, что это есть актъ, положенный австрійскимъ правительствомъ, такъ сказать, въ основу учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи, во-вторыхъ потому, что въ немъ изложено учредителемъ іерархіи Павломъ Бѣлокриницкимъ еретическое ученіе о подвременномъ рожденіи Сына Божія отъ Отца, — ученіе, которое упорства ради защищаютъ только Швецовъ и „братчики“, но котораго стыдятся даже всѣ мало-мальски разсудительные старообрядцы. По обычаю, они сказали бы (и Швецовъ съ братчиками прежде всѣхъ), что Павелъ не писалъ такой ереси въ Уставѣ, что это клевета никоніянъ; но теперь, когда подлинный уставъ находится въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ всякій можетъ его видѣть, сказать, этого нельзя. Отсюда и гнѣвъ! Отсюда вопіянія о кражѣ именно Устава!...

скомъ Словѣ» съ новыми разъясненіями и дополненіями, и въ ней допросчики могли бы, если хотятъ, найти рѣшеніе предложенныхъ ими вопросовъ. Однако не полѣнимся отвѣтить имъ.

«Воры и принимающіе краденое», несомнѣнно, «нарушаютъ законы, изданные верховною властію», какъ напр. нарушали и нарушаютъ ихъ тѣ раскольники, которые лично крали и крадутъ поповъ изъ церкви Великороссійской, затѣмъ всѣ бѣглопоповцы, принимавшіе и принимающіе краденыхъ изъ Великороссійской церкви поповъ, подъ именемъ бѣгствующихъ, — какъ нарушили его Павелъ и Алимпій, укравшіе митрополита изъ греческой церкви, а затѣмъ нарушаютъ всѣ раскольники австрійскаго согласія, принимающіе краденое австрійское священство, или, что̀ одно и то же, происшедшее отъ украденнаго изъ Греческой церкви митрополита.

Несомнѣнно и то, что «законъ наказываетъ и воровъ и принимающихъ краденое», хотя, къ прискорбію, часто бываетъ, что законъ существуетъ и установляетъ наказаніе, да не исполняется долженствующими блюсти его и приводить въ исполненіе, почему нерѣдко завѣдомые воры и завѣдомо принимающіе краденое остаются не наказанными по закону, какъ напр. не подверглись и не подвергаются наказанію многіе раскольники, промышлявшіе и промышляющіе кражею поповъ изъ Великороссійской церкви, и какъ не подвергаются наказанію Бугровъ и всѣ бѣглопоповцы, открыто принимающіе этихъ краденыхъ изъ Великороссійской церкви поповъ, — какъ не подверглись (во всей силѣ) наказанію Павелъ и Алимпій, укравшіе Амвросія изъ греческой церкви и какъ не подвергаются никакому наказанію Швецовъ, Бриліантовъ, Боевъ, Антонъ Егоровъ и проч. и проч., не только принимающіе, но и распространяющіе наслѣдство украденнаго митрополита, подъ кличкою разныхъ епископовъ, іереевъ и діаконовъ австрійскаго поставленія.

Вотъ мы отвѣтили на два первые вопроса и, полагаемъ, отвѣтили правильно, даже согласно ожиданію самихъ допросчиковъ. А что касается третьяго вопроса, то для рѣшенія

его мы должны однажды навсегда опровергнуть ту неправду, что будто архивъ Бѣлокриницкаго монастыря съ его Уставомъ былъ украденъ. Это была совсѣмъ не кража, а переправка бумагъ архива изъ Бѣлой-Криницы въ Москву къ лицамъ, здѣсь поселившимся, которыя имѣли на владѣніе ими такое же и даже большее право, нежели оставшіяся въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Вы, г. Бриліантовъ, съ озлобленіемъ истаго раскольника, говорите въ своей тетрадкѣ, что «Уставъ былъ украденъ шайкою отступниковъ православія подъ руководствомъ Пафнутія». Какая наглая ложь и какая неблагодарность съ вашей стороны! Это была совсѣмъ не «шайка»,— это были лица, пользовавшіяся у васъ въ расколѣ и уваженіемъ и почетомъ, какъ передовые и вліятельные дѣятели по вашимъ церковно-іерархическимъ дѣламъ. Первый изъ нихъ — бывшій сотрудникъ Павла и Геронтія въ замыслахъ объ учрежденіи іерархіи въ Бѣлой-Криницѣ, вмѣстѣ съ этими двумя, какъ должностное лицо, подписавшійся и подъ Уставомъ, представленнымъ австрійскому императору, произведенный потомъ въ званіе намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи подъ именемъ епископа Браиловскаго, и въ этомъ званіи присланный самимъ лжемитрополитомъ Кирилломъ въ Москву для устроенія здѣшнихъ, сильно расшатавшихся у васъ, церковно-іерархическихъ дѣлъ, болѣе всѣхъ способствовавшій здѣсь изданію знаменитаго Окружнаго Посланія, ревнителями котораго вы и сами притворно зовете себя,— извѣстный о. Онуфрій, человѣкъ прямой, честный, безкорыстный, безукоризненной жизни; затѣмъ — архидіаконъ и письмоводитель Бѣлокриницкой митрополіи, правая рука и голова Кирилла, руководившій его въ управленіи митрополіей и писавшій всѣ исходившія отъ него бумаги, — не менѣе извѣстный о. Филаретъ; и еще — іеромонахъ той же Бѣлокриницкой митрополіи — Іоасафъ, принимавшій также близкое участіе въ ходѣ вашихъ іерархическихъ дѣлъ и исполнявшій важныя и отвѣтственныя порученія. Несомнѣнно, это были вліятельнѣйшія и дѣятельнѣйшія лица въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и, какъ такія, болѣе всѣхъ другихъ, не исключая и слабоумнаго, безграмот-

наго Кирилла, имѣли право на владѣніе монастырскимъ архивомъ. И были это совсѣмъ не «отступники православія», какъ вы нахально называете ихъ; напротивъ это были лица, горькимъ опытомъ и личными наблюденіями надъ расколомъ убѣдившіяся въ его нечестіи, безобразіи и погибельности, потому рѣшившіяся навсегда оставить гибельный расколъ и вступить въ православную церковь. Вотъ тогда-то и явилась у нихъ мысль, (въ возбужденіи которой дѣйствительно участвовалъ и о. Пафнутій)[1] — воспользоваться своимъ правомъ на архивъ Бѣлокриницкаго монастыря, перенести, какія можно, бумаги его въ Москву, съ тѣмъ собственно, чтобы предоставить ихъ намъ для извлеченія изъ нихъ нужныхъ свѣдѣній о Бѣлокриницкой іерархіи, каковое предложеніе мы приняли, понятно, съ великой радостью. И такъ какъ сами они рѣшили не возвращаться болѣе въ Бѣлую-Криницу, то исполнить это поручили еще одному, остававшемуся тамъ и уже послѣднему изъ дѣльныхъ и свѣдующихъ людей, исправлявшему за отсутствіемъ о. Филарета должность письмоводителя при Кириллѣ, — іеромонаху Мелхиседеку: и онъ исполнилъ порученіе съ надлежащимъ успѣхомъ, хотя, разумѣется, долженъ былъ дѣйствовать секретно и съ крайней осторожностью. Изъ представленныхъ нами достовѣрныхъ свѣдѣній о лицахъ, ближайшимъ образомъ и непосредственно участвовавшихъ въ доставленіи Бѣлокриницкаго архива изъ Бѣлой-Криницы въ Москву, для каждаго разсудительнаго и безпристрастнаго человѣка ясно, что лица эти имѣли несомнѣнное право на владѣніе архивомъ, а потому и перенесеніе его въ Москву, хотя бы и секретное, даже съ юридической точки зрѣнія, не

---

[1]) Никола Чернышевъ въ предисловіи къ анонимному письму говоритъ, что „Пафнутій Чудовскій неоднократно кричалъ на своихъ бесѣдахъ въ Кремлѣ: я далъ пятьсотъ рублей, чтобы украли Уставъ изъ архива Бѣлокриницкаго монастыря“. Сомнѣваемся, чтобы говорилъ это о. Пафнутій, и во всякомъ случаѣ извѣстіе о пятистахъ руб. не справедливо: о. Пафнутій не тратился и не имѣлъ надобности тратиться на это дѣло. Притомъ и вынести предполагалось бумаги архива, какія можно будетъ, а не собственно Уставъ.

можетъ быть признаваемо или называемо въ собственномъ смыслѣ кражею, или хищеніемъ, ибо воръ крадетъ и похищаетъ чужое, ему не принадлежащее. Такъ и смотрѣли на это дѣло лица высокаго ума и образованія, высокой нравственности и высокаго положенія. Когда, по доставленіи архива въ Москву, былъ сдѣланъ мною и представленъ митрополиту Филарету перечень содержащихся въ этомъ архивѣ документовъ и бумагъ, владыка сказалъ только, что это «примѣчательное собраніе«, но не выразилъ никакого сомнѣнія, или порицанія относительно пріобрѣтенія этого «собранія», хотя всѣ виновники пріобрѣтенія находились уже въ его вѣдѣніи, и строгій святитель не преминулъ бы сдѣлать имъ замѣчаніе, или порицаніе, если бы въ дѣлѣ этомъ находилъ видъ кражи, или хищенія. Бриліантовъ и «братчики», съ свойственной раскольникамъ нахальностью, причтутъ, конечно, и приснопамятнаго митрополита Филарета къ одной съ нами «шайкѣ»; въ такомъ случаѣ вотъ имъ авторитеты, противъ которыхъ и они, прославляющіе свою мнимую вѣрность государственной власти, не осмѣлятся возражать. Никола Чернышевъ въ предисловіи къ анонимному письму упоминаетъ, что переправка Бѣлокриницкаго архива въ Москву «вызвала даже дипломатическую переписку между правительствъ австрійскаго и русскаго»; сей заграничный раскольническій дипломатъ прибавляетъ только съ важностью сановника, что «не берется объяснить, какъ велся дипломатическій переговоръ», ибо-де «это не входитъ въ составъ его сообщенія»(!). А напрасно, — слѣдовало по крайней мѣрѣ сказать о результатѣ дѣйствительно происходившихъ дипломатическихъ сношеній. Результатъ былъ тотъ, что русское правительство не нашло возможнымъ отъ названныхъ выше лицъ требовать возвращенія бумагъ Бѣлокриницкаго архива, или подвергать ихъ какой-либо отвѣтственности за переправу архива въ Москву, т.-е. не усмотрѣло въ этомъ ихъ дѣйствіи признаковъ воровства, или хищенія; въ свою очередь и австрійское правительство не нашло возможнымъ возражать противъ такого рѣшенія, значитъ тоже не признало здѣсь

воровства или хищенія. Этого мало: самъ Императоръ Всероссійскій Александръ Николаевичъ, когда представлялись Его Величеству новоприсоединившіеся къ православной церкви отцы Онуфрій, Филаретъ и проч., въ бесѣдѣ съ ними упомянулъ о перенесеніи архива изъ-за австрійской границы и не сдѣлалъ имъ за это никакого замѣчанія, не считалъ, значитъ, этого дѣла преступнымъ воровствомъ или хищеніемъ. Таковъ судъ о немъ и русскаго правительства и русскаго государя! Какъ же смѣетъ послѣ этого кричать о «кражѣ» Бѣлокриницкаго Устава какой-то бѣглый изъ Россіи раскольникъ, разыгрывающій за границей жалкую роль убогаго газетчика, да какой-то торговецъ, разжившійся на раскольническія деньги, ради которыхъ измѣнилъ православію!

Итакъ и съ юридической точки зрѣнія и по суду русскаго правительства, по суду самого россійскаго Императора, перенесеніе Бѣлокриницкаго архива въ Москву не было кражей. Чтобы дать г-мъ Бриліантовымъ понятіе о дѣйствительной кражѣ, о настоящемъ воровствѣ, мы приведемъ примѣръ имъ близкій. Когда Павелъ и Алимпій соблазнили несчастнаго Амвросія перейти изъ православія въ расколъ, отставить греческую церковь, которой онъ принадлежалъ, и Константинопольскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго онъ находился, то сказали ему, что все это надобно сдѣлать тайкомъ, по-воровски, и что они, какъ искусные воры, устроятъ это дѣло сами, безъ его помощи: и дѣйствительно, они нарядили митрополита въ казацкій балахонъ и казацкую шапку, и въ этомъ позорномъ видѣ, какъ контрабанду, трепещущаго, прикрытаго большимъ зонтикомъ, увезли изъ Константинополя, отъ патріарха, въ вѣдѣніи котораго онъ находился. Вотъ это кража; это настоящее воровство. Таково это дѣло по суду закона; такъ оно понято было русскимъ правительствомъ; такимъ должно было признать его и само правительство австрійское, дотолѣ ему покровительствовавшее: ибо и австрійское правительство нашло законнымъ Амвросія сослать, монастырь Бѣлокриницкій закрыть и монаховъ изъ него выгнать, начиная съ главныхъ воровъ, Павла и Алимпія. Правда, австрійское

правительство начало смотрѣть потомъ сквозь пальцы и на незаконное открытіе монастыря и на такое же незаконное возвращеніе въ него монаховъ, съ самими ворами во главѣ,— стало даже прямо и всячески покровительствовать краденой іерархіи; но вѣдь все это, какъ и самое учрежденіе іерархіи, покровительствовалось австрійскимъ правительствомъ съ единственною цѣлію — причинить зло и вредъ ненавистной ему, хотя и облагодѣтельствовавшей его, Россіи, — вѣдь здѣсь русскіе раскольники, къ ихъ позору, были въ рукахъ Австріи орудіемъ для причиненія зла и обидъ русскому государству, русскому народу, и, къ вящшему ихъ позору, орудіемъ произвольнымъ, не невольнымъ... Кто же изъ русскихъ людей не знаетъ, что первый, злѣйшій и безсовѣстнѣйшій врагъ Россіи — Австрія? И мы всегда удивлялись, какъ наши раскольники, именующіеся пріемлющими *австрійское* священство, *австріяками,* — какъ не сгорятъ они отъ стыда изъ-за одного этого соединенія съ ихъ именемъ ненавистнаго русскому сердцу имени Австріи, — имени австрійскаго іуды, по выраженію поэта! Видно расколъ способенъ вытравить изъ зараженныхъ имъ и русское сердце и русскую душу...

Теперь, если бѣлокриницкій Уставъ не украденъ, а взятъ лицами, имѣвшими на него право собственности, и сама высшая власть не усмотрѣла въ этомъ взятіи признаковъ кражи, то отвѣтъ на третій вопросъ, предложенный въ тетрадкѣ, понятенъ самъ собою: никакому наказанію лица, взявшія Уставъ, не были и не могли быть подвергнуты, какъ не учинившіе наказуемаго закономъ преступленія, — понятно, что самый вопросъ не имѣетъ основы для своего существованія. Тѣмъ паче не имѣетъ мѣста тотъ же вопросъ, обращенный къ намъ, когда ясно, что мы пользовались совсѣмъ не краденымъ, а тѣмъ, что̀ благосклонно предоставили намъ для пользованія дѣйствительные владѣльцы Устава и архива. И развѣ мы взяли Уставъ и архивъ въ свою собственность? Уставъ, какъ говорятъ и сами пасквилянты, находится въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ жительствуютъ и доселѣ о.о. Онуфрій, Филаретъ и Мелхиседекъ. Туда же поступятъ и

всѣ бумаги архива, когда мы вполнѣ ими воспользуемся, если только Богъ приведетъ вполнѣ воспользоваться. А пользовались и пользуемся мы этимъ архивомъ единственно съ научною цѣлію — изложить на основаніи его документовъ исторію раскольническаго священства. Исторію происхожденія этого священства, слава Богу, мы успѣли раскрыть на основаніи документовъ архива; издали и два тома «Переписки раскольническихъ дѣятелей», заимствованной преимущественно изъ того же архива и весьма важной для дальнѣйшей исторіи австрійскаго лжесвященства. Смѣемъ думать, что за такое пользованіе архивомъ намъ благодарны всѣ интересующіеся расколомъ и желающіе знать о немъ настоящую правду; мы имѣли право ожидать, что за это будутъ намъ благодарны и сами старообрядцы, имѣющіе теперь возможность видѣть раскрытыми по несомнѣннымъ документамъ всѣ продѣлки и хитрости, всѣ неправды и обманы, сопровождавшіе учрежденіе ихъ новой іерархіи, — словомъ всю законопреступность этого учрежденія, тогда какъ никогда не узнали бы этого, если бъ архивъ оставался гнить въ Бѣлой-Криницѣ вмѣстѣ съ разрушающейся митрополіей, или истребленъ былъ невѣжественными ея монахами, или, что̀ еще хуже, попалъ въ руки Швецовыхъ и Бриліантовыхъ, которые одно скрыли бы, другое передѣлали бы въ своемъ вкусѣ для возвеличенія своей драгоцѣнной іерархіи. Развѣ и теперь не составлены ими даже многія фантастическія исторіи этой іерархіи, начало которымъ положилъ еще самъ Павелъ, въ своей III-й части церковной исторіи, гдѣ привелъ, въ видѣ историческаго памятника, безсовѣстно измышленный имъ разговоръ между патріархомъ Никономъ и Павломъ Коломенскимъ, гдѣ привелъ и нѣкоторые избранные (оставивъ неудобные) документы изъ Бѣлокриницаго архива? Но теперь лживость раскольническихъ мнимо-историческихъ разсказовъ объ Амвросіи, Кириллѣ, разныхъ Аркадіяхъ и прочихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ австрійскаго раскола, очень удобно можетъ быть обличена подлинными, не поврежденными документами находящагося у насъ Бѣлокриницкаго архива. Теперь

Швецовымъ и Бриліантовымъ съ компаніей лгать для прославленія своей іерархіи безнаказанно нельзя. Вотъ что и досадно имъ до скрежета зубовнаго; вотъ почему и кричатъ они (употребимъ ихъ деликатное выраженіе) во все горло: караулъ! насъ обворовали, ограбили!...

Прежде нежели кончить съ изданной «братчиками» пасквильной тетрадкой, считаемъ необходимымъ сказать нѣчто о заключительныхъ словахъ ея объ насъ. Выразивъ негодованіе, что мы остаемся не наказанными за пользованіе якобы раденымъ архивомъ, тогда какъ «крючника или слесаря за кражу подшипника и лавочника, купившаго оный, осуждаютъ въ тюрьму», г-да «братчики» устами своего заграничнаго коллеги, ни съ того ни съ сего начинаютъ такую рѣчь: «г. профессоръ при управленіи Москвы покойнымъ Долгоруковымъ кричалъ въ своемъ «Братскомъ Словѣ», что московскія власти какъ бы (?) берутъ взятки (?), не перестаетъ кричать и теперь, намекая тоже». Далѣе слѣдуютъ такія дерзкія слова, какія только «братчики» могутъ печатать въ своихъ подпольныхъ типографіяхъ, а мы не смѣемъ воспроизвести; но въ этихъ-то словахъ, полагаемъ, и все дѣло, — ради ихъ собственно и издана вся пасквильная тетрадка, ими-то именно и разсчитано, говоря языкомъ Николы Чернышева, «насолить» намъ. Что отвѣчать на эти гнусные намеки? Скажемъ, по обычаю, всю правду. Никогда не писали мы въ «Братскомъ Словѣ», что «московскія власти (даже вообще!) берутъ взятки; это была бы съ нашей стороны невѣроятная дерзость. Мы только говорили и продолжаемъ говорить, что раскольники, особенно въ Москвѣ и въ Нижнемъ, и особенно эти австрійскіе лжеепископы съ юродивымъ Савватіемъ во главѣ, и эти австрійскіе лжепопы, начиная съ беззаконно введенныхъ на Рогожское Кладбище, пользуются потворствомъ, даже покровительствомъ властей (преимущественно полицейскихъ и судебныхъ), и пользуются, само собою разумѣется, не безкорыстно,— говорили и говоримъ потому, что это правда, а правду и можно и должно говорить. Это писалъ и говорилъ въ свое время митрополитъ Филаретъ, никогда не позволявшій себѣ

говорить и писать неправду; а съ его времени перемѣны къ лучшему въ этомъ отношеніи не послѣдовало, напротивъ зло это еще усилилось. Что мы говорили и говоримъ правду, на это можно было бы представить множество доказательствъ, но нѣтъ надобности представлять, когда дѣло извѣстно въ Москвѣ всѣмъ, кто интересуется расколомъ, а тѣмъ паче самимъ раскольникамъ, отъ которыхъ и узнается обыкновенно, кому и какія суммы (рѣчь идетъ, конечно, только о крупныхъ) вручены. Но мы никогда не называли именъ, признавая это неприличнымъ и недозволительнымъ. Дерзкіе братчики дозволили себѣ именно крайнее неприличіе, назвавъ добрѣйшаго князя В. А. Долгорукова, а особенно сказавъ то, что̀ сказали дальше. Какая нужда намъ называть имена, когда ихъ повторяетъ въ Москвѣ стоустая молва и назоветъ, клеймя позоромъ, неумолимая исторія! Для нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, прельстившихся на раскольническое золото и за него предавшихъ церковь раскольникамъ, насталъ уже и судъ исторіи, какъ напр. для извѣстнаго Тургенева, завѣдывавшаго дѣлами по расколу въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Примѣръ и судьба этого Тургенева весьма поучительны для всѣхъ подобныхъ ему лицъ, цѣною раскольническаго золота продающихъ церковь, которую Христосъ стяжалъ своею кровію, т.-е. потворствующихъ и покровительствующихъ расколу, враждующему на церковь. Онъ не только заклейменъ исторіей, но еще при жизни понесъ достойную кару за свой тяжкій грѣхъ: отставленный отъ службы, всѣми презираемый, онъ умеръ, преслѣдуемый терзаніями совѣсти. Гнѣвъ Божій, рано или поздно, но неизбѣжно, постигнетъ и всѣхъ подобныхъ ему купленныхъ защитниковъ и покровителей раскола. Раскольническое золото, цѣною котораго продается церковь, это тѣ же сребренники, за которые преданъ былъ Христосъ, ибо предать церковь Христову значитъ то же, что предать Христа. А тридесять сребренниковъ сожгли руку даже такому сребролюбцу, какъ Іуда; даже и тотъ принесъ ихъ назадъ, бросилъ къ ногамъ людей, отъ которыхъ получилъ ихъ, затѣмъ пошелъ и удавился... И зо-

лото раскольниковъ — цѣна церкви Христовой, можетъ принести только несчастіе и угрызеніе совѣсти тому, кто возьметъ его. И хорошо, если бы только ему. Но вѣдь о предателѣ и подобныхъ ему написаны во псалмѣ и эти страшныя слова: *да будутъ сынове его сироты и жена его вдова; ниже да будетъ ущедряяй сироты его, и въ родѣ единомъ да потребится имя его...*

Но довольно, даже слишкомъ довольно о пасквильной тетрадкѣ, напечатанной московскими «братчиками». Увлекшись, мы оказали ей слишкомъ много чести такимъ пространнымъ разборомъ, хотя неизлишне однажды навсегда сказать то, что̀ мы сказали. А смущаться, или огорчаться бранью Николы Чернышева, Бриліантова и всѣхъ «братчиковъ» мы и не думаемъ: они, эти достойные защитники раскола, на то и существуютъ, чтобы сочинять «райки» и разные пасквили, которыми позорятъ и чернятъ только самихъ себя, а также и расколъ, хотя и онъ и они уже достаточно безобразны и черны...

А какъ безобразенъ расколъ, поядаемый внутренними раздорами, и какъ безсильны водворить въ немъ хотя бы подобіе мира именно раскольники той партіи, къ которой принадлежатъ пасквилянты-«братчики», это еще разъ показалъ недавній опытъ, о которомъ мы и разскажемъ въ заключеніе.

Извѣстно, что Мельниковы, послѣ пресловутой поѣздки своей на Востокъ для справокъ объ Амвросіи, усиленно стараются привлечь стародубскихъ бѣглопоповцевъ въ свое австрійское согласіе, подъ паству лжеепископовъ, ведущихъ начало свое отъ Амвросія. Со стороны бѣглопоповцевъ эти старанія Мельниковыхъ встрѣчаютъ постоянный и справедливый отпоръ, при чемъ они указываютъ между прочимъ и на существующія въ австрійщинѣ раздѣленія, — говорятъ: есть у васъ и окружники, и полуокружники, и неокружники, такъ что не разберешь, кто изъ васъ содержитъ истину и къ кому намъ пристать по вашему приглашенію! Мельниковы, разумѣется, увѣряютъ ихъ, что истину содержатъ они, окружники, и что самое это раздѣленіе на окружниковъ и противуокружниковъ только кажущееся, легко устранимое, а что іерархія одна, и церковь у нихъ одна. Чтобы дознать, правду, или

неправду говорятъ Мельниковы, чтобы получить возможность дать имъ и всѣмъ подобнымъ соблазнителямъ рѣшительный, окончательный отпоръ, черниговскіе, донскіе и другихъ ближайшихъ губерній бѣглопоповцы присудили отправить въ Москву, въ самый центръ австрійскаго раскола, къ самимъ австрійскимъ владыкамъ — Савватію и Іову, депутатовъ,— дознать отъ нихъ, кто изъ нихъ содержитъ истину и дѣйствительно ли они епископы одной церкви, согласные между собою въ вѣрѣ и ученіи. Въ началѣ іюля мѣсяца депутація отъ бѣглопоповцевъ дѣйствительно прибыла въ Москву и предстала предъ Савватія съ своими вопросами и вредложеніями. Скорбный главою Савватій, конечно, растерялся и ничего отвѣтить не могъ, а поспѣшилъ собрать дѣйствительныхъ заправителей и властителей московско-австрійскаго раскола. Собрались они, и общимъ совѣтомъ рѣшили, какъ желала и депутація, пригласить Іова для разглагольствія о существующемъ между ними раздѣленіи, доказать ему, въ присутствіи депутаціи, что истина на сторонѣ окружниковъ и потому онъ долженъ прекратить раздѣленіе съ ними. Іовъ, глубоко оскорбленный окружниками, ибо по ихъ стараніямъ изгнанъ изъ Москвы, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ и объявилъ приглашителямъ съ подобающею важностію, что такъ какъ онъ содержитъ истину, наслѣдованную отъ предковъ, то не считаетъ и нужнымъ входить въ объясненія съ содержателями окружническихъ новшествъ, а если эти послѣдніе желаютъ познать истину, то пусть явятся къ нему, и онъ наставитъ ихъ на правый путь. Увы! Гордые окружники должны были подчиниться требованію Іова, надъ которымъ такъ глумились, изгнавъ его изъ Москвы: вмѣстѣ съ депутаціей отъ бѣглопоповцевъ, которою нельзя было пренебрегать, они отправились въ подмосковное мѣстечко Люблино, гдѣ Іовъ проживалъ на дачѣ у благотворителей,— отправились особы, составляющія цвѣтъ и силу московской мнимо-окружнической австрійщины: самъ владыка Савватій, Новиковъ, Горшковъ, даже Арсентій Иванычъ Морозовъ и другіе, а въ качествѣ адвоката и оратора — только что изображенный нами пасквилянтъ-Бриліантовъ.

Іовъ встрѣтилъ ихъ съ подобающимъ достоинствомъ; при немъ, въ числѣ другихъ, находился его главный начетчикъ Ипполитовъ, дѣлавшій безотвѣтными даже такихъ витій, какъ Швецовъ и Перетрухинъ, которые все же не чета Бриліантову. Состоялось нѣчто въ родѣ Люблинскаго, или Люблиновскаго раскольническаго собора для заключенія уніи между окружниками и противуокружниками. Бѣглопоповщинскіе депутаты предложили этому собору австріяковъ на рѣшеніе вопросъ: кто изъ нихъ содержитъ истину, — окружники, или противуокружники? Выступилъ уполномоченный окружниками ораторъ Бриліантовъ и держалъ пространную, витіеватую рѣчь, въ которой доказывалъ, что они, окружники, имѣя пастыремъ владыку Савватія, составляютъ истинную древлеправославную церковь, никакого Окружнаго Посланія знать не хотятъ и окружниками называютъ ихъ напрасно,— они-де суть только древлеправославные христіане. Ипполитовъ слушалъ терпѣливо многоглаголаніе Бриліантова, и когда онъ кончилъ, кратко, но весьма ясно и убѣдительно, обличилъ его ложь. Взявъ въ руки Окружное Посланіе, Ипполитовъ спросилъ Бриліантова: «принимаете ли вы эту книгу, или не принимаете»? Бриліантовъ отвѣтилъ: нѣтъ! Тогда Ипполитовъ открылъ Окружное Посланіе и прочиталъ изъ него нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ, идущихъ въ разрѣзъ съ старыми, исконными лжеученіями раскольниковъ, завѣщанными имъ отъ предковъ, и спросилъ Бриліантова: «какъ вы понимаете прочитанное, — признаете правильнымъ, или неправильнымъ?» Бриліантовъ не могъ иначе отвѣтить, какъ признать въ прочитанномъ правильное ученіе.— «А такое ли ученіе содержали предки старообрядцевъ?»—спросилъ Ипполитовъ. Бриліантовъ отвѣтилъ: «Предки не имѣли объ этомъ свѣтлыхъ понятій, какъ и вы теперь не имѣете!» Тогда Ипполитовъ сказалъ ему: «предки знали, что̀ дѣлали и чему вѣровали; а вы не знаете, что̀ дѣлаете и чему вѣруете: говорите, что Окружнаго Посланія не принимаете, а сами же сейчасъ защищаете изложенное въ немъ ученіе, и даже предковъ, не содержавшихъ этого ученія, называете не имѣвшими свѣтлыхъ понятій. Вотъ

какъ вы лжете и противорѣчите сами себѣ! Совсѣмъ вы непослѣдователи нашей древлеправославной церкви». Затѣмъ, обратясь къ бѣглопоповщинскимъ депутатамъ, спросилъ ихъ: «какъ по-вашему,— правду ли я сказалъ объ окружникахъ?» Депутаты отвѣтили: «совершенную правду!» Такимъ образомъ Бриліантовъ, съ своимъ Савватіемъ и прочими, потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и долженъ былъ сознаться самому себѣ, что гораздо легче писать «райки» и пасквили, нежели защищать неправду раскола даже противъ своихъ же роскольниковъ. На выручку ему выступилъ самъ Арсентій Иванычъ Морозовъ. Раздосадованный неудачей своего оратора, началъ онъ запальчивую рѣчь, въ повелительномъ тонѣ требуя, чтобы противуокружники, ничего-де не понимающіе, безпрекословно подчинились его владыкѣ— Савватію (должно-быть, много понимающему). Но потокъ его краснорѣчія былъ прерванъ тѣмъ же Ипполитовымъ, который замѣтилъ ему: «Вы, Арсентій Иванычъ, должно-быть, забыли, что находитесь не на фабрикѣ, не въ вашей конторѣ, гдѣ привыкли повелѣвать и раздавать приказанія, а въ собраніи людей, желающихъ свободно разсуждать о вопросахъ вѣры, въ присутствіи издалека прибывшихъ депутатовъ. Вспомните это, и ваши пріемы, употребляемые на фабрикѣ, оставьте здѣсь». Что̀ было отвѣчать такому смѣлому человѣку, какъ г. Ипполитовъ, не робѣющій даже предъ Арсентіемъ Иванычемъ Морозовымъ? Оставалось сѣсть на борзыхъ коней и уѣзжать въ Москву, или къ себѣ на мануфактуру, съ ея роскошными чертогами и садами. Такъ Люблиновскій совѣтъ и кончился пораженіемъ окружниковъ, показавъ еще разъ безобразіе раскола вообще, и австрійскаго въ частности, снѣдаемаго внутренними раздорами. А бѣглопоповцы стародубскіе, донскіе и прочіе могутъ теперь смѣло отвѣчать Мельниковымъ и прочимъ ревнителямъ австрійскаго лжесвященства, что напрасно они приглашаютъ ихъ въ свое общество, терзаемое внутренними раздорами, и что окружниковъ обличили во лжи даже противуокружники.

6. Болѣе точныя извѣстія о Люблиновскомъ съѣздѣ. — Новый лжеепископъ у раскольниковъ. — Размноженіе подпольныхъ раскольническихъ изданій. — Кому дозволяется ими пользоваться, и кому не дозволяется.

Прошлый разъ мы разсказали, по первымъ полученнымъ нами извѣстіямъ, о собраніи мнимоокружниковъ и противуокружниковъ подъ Москвою, въ селѣ Люблинѣ, составленномъ по просьбѣ прибывшихъ изъ Стародубья бѣглопоповцевъ, желавшихъ разузнать, кто правѣе — окружники или противуокружники. Теперь, получивъ болѣе точныя извѣстія, считаемъ необходимымъ исправить нѣкоторыя неточности и дополнитьнедостающее въ нашемъ предыдущемъ разсказѣ. Оказывается, что ближайшимъ образомъ заинтересованные въ дѣлѣ, извѣстные раскольническіе воители въ Стародубьѣ, Ефимъ Мельниковъ и сынъ его Василій, одновременно съ депутаціей бѣглопоповцевъ прибыли въ Москву, чтобы въ случаѣ надобности поддержать мнимоокружниковъ въ преніи съ противуокружниками. Савватію и его руководителямъ хотѣлось дѣйствительно, устроить собраніе для взаимныхъ разглагольствій въ Москвѣ, куда они и приглашали Іова. Но Іовъ отвѣтилъ имъ, что такъ какъ по ихъ происканъ покровительствующая имъ власть изгнала его изъ Москвы и пребываніе здѣсь ему воспрещено, то явиться въ Москву онъ не можетъ; при томъ же, какъ держащійся твердо и неуклонно преданія предковъ и считающій себя поэтому вполнѣ право вѣрующимъ, онъ не видитъ и надобности въ какихъ-либо разглагольствіяхъ съ окружниками. Тогда эти послѣдніе стали просить Іова, чтобы дозволилъ собраться у него, въ Люблинѣ, для разглагольствій ради бѣглопоповцевъ, ищущихъ истины и нарочно прибывшихъ для сего изъ Стародубья. Іовъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы кромѣ прибывшихъ бѣглопоповцевъ на собраніи присутствовали съ обѣихъ сторонъ не болѣе, какъ по пяти человѣкъ. Окружники согласились; но предложеннаго Іовомъ условія не сдержали: вмѣсто пяти, ихъ явилось на собраніе до двадцати человѣкъ, — въ томъ числѣ

Савватій и Паисій Саратовскій, Ефимъ Мельниковъ съ сыномъ, Бриліантовъ и самъ Арсентій Морозовъ. Поднялась вся сила мнимо-окружниковъ, и они дѣйствительно надѣялись, что разгромятъ своихъ противниковъ. Но, какъ мы и говорили уже, сами неожиданно потерпѣли пораженіе. Пренія открыли «владыки». Савватій сталъ говорить, что Окружное Посланіе болѣе не существуетъ, ибо Духовнымъ Совѣтомъ не разъ подвергнуто уничтоженію. Но Іовъ доказалъ Савватію, что онъ говоритъ неправду, такъ какъ ученію Окружнаго Посланія и теперь многіе слѣдуютъ, при чемъ указалъ какъ на горячаго его защитника на одного изъ самихъ епископовъ — Сильвестра Балтскаго. Савватій растерялся, не зналъ что̀ сказать. На помощь ему сейчасъ же выступилъ Ефимъ Мельниковъ, смиренно обратившись къ нему съ просьбою: «Владыко святый! благословите меня побесѣдовать». Савватій только этого и ждалъ, — со всею готовностію далъ благословеніе и больше не раскрывалъ устъ. Начались горячія пренія между Мельниковымъ, на подмогу которому вскорѣ выступилъ Бриліантовъ, и противуокружниками. Со стороны послѣднихъ главнымъ возражателемъ на сей разъ явился не Ипполитовъ, какъ было у насъ сказано, а кто-то другой, очевидно, наставленный Ипполитовымъ что̀ и какъ говорить, самъ же онъ уклонился отъ участія въ бесѣдахъ изъ опасенія заслужить гнѣвъ Арсентія Морозова, у котораго или у кого-то другаго изъ Морозовыхъ, служатъ его родственники и могутъ пострадать за его смѣлое слово (такова сила Морозовыхъ, по сознаніи самихъ раскольниковъ, и такъ тѣсно связаны у нихъ распоряженія по фабрикамъ и торговлѣ съ служеніемъ расколу!). Мы уже говорили прошлый разъ, что противуокружническій начетчикъ заставилъ умолкнуть лукавыхъ, противорѣчившихъ самимъ себѣ, мнимо-окружническихъ ораторовъ. Такъ дѣйствительно и было. Савватій, Мельниковъ, Бриліантовъ и самъ всевластный въ расколѣ Морозовъ посрамленные оставили Люблиновское собраніе; а депутаты стародубскихъ бѣглопоповцевъ воочію убѣдились, какая вражда раздѣляетъ общество пріемлющихъ австрійское священство и какъ безсильны

мельниковскіе мнимо-окружники защитить себя отъ возраженій противуокружниковъ, поэтому дѣло о принятіи австрійской іерархіи отложили до болѣе тщательнаго изысканія истины.

Лѣтомъ же истекающаго года, вскорѣ послѣ кончившагося такой неудачей для мнимо-окружниковъ Люблиновскаго съѣзда, эти послѣдніе, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, поставили новаго лжеепископа, именно на оставшуюся долго праздною, но столь любезную для Савватія, Тобольскую каѳедру. Избранъ и поставленъ, выписанный изъ Сибири, какой-то инокъ Антоній. Властителю раскола, г-ну Арсентію Ивановичу Морозову, угодно было обставить это лицедѣйство поставленія во епископы особою торжественностью, — и онъ пригласилъ даже совершить его у себя на знаменитой Богородско-Глуховской мануфактурѣ, гдѣ, какъ извѣстно, имѣется у него собственная домовая церковь съ полнымъ причтомъ и хоромъ пѣвчихъ. У австрійскихъ раскольниковъ почти вошло уже въ обычай, что епископа, вопреки апостольскому правилу, поставляетъ у нихъ одинъ епископъ, единолично; но на сей разъ приглашены были кромѣ Савватія еще двое — давно пресмыкающійся въ Москвѣ Паисій Саратовскій и Кириллъ Нижегородскій. Видѣвши разъ убогаго Савватія за службою, мы воображаемъ, какое жалкое, возмутительное для религіознаго чувства, зрѣлище долженъ онъ представлять изъ себя, совершая сложный, торжественный чинъ архіерейскаго рукоположенія. Видно, что это чувствовалъ и понималъ даже Арсентій Иванычъ, такъ какъ, говорятъ, самъ онъ больше своихъ архіереевъ участвовалъ въ поставленіи новаго епископа, — безпрестанно подбѣгалъ то къ Паисію, то къ Кириллу, и особенно къ самому Савватію, съ указаніями, распоряженіями и приказаніями, такъ что вывелъ изъ терпѣнія и безотвѣтнаго Савватія, а у присутствовавшихъ возбуждалъ невольныя улыбки. Можно сказать, что Антоній Тобольскій ставленикъ Арсентія Морозова. Это, разумѣется, смѣшно; но есть серіозная, весьма прискорбная сторона въ этомъ дѣлѣ. Что же такое, наконецъ, эти грамадныя, съ десятитысячнымъ населеніемъ, мануфактуры нашихъ купцовъ-раскольниковъ? Не дѣйствительные ли это

разсадники и твердыни раскола, когда здѣсь, въ домовыхъ раскольническихъ церквахъ хозяевъ, поставляются даже раскольническіе епископы, при дѣятельномъ участіи тѣхъ же хозяевъ? И до того простирается потворство внѣшнихъ властей этимъ самодурствующимъ богачамъ-раскольникамъ, что даже такія беззаконія, какъ поставленіе раскольническихъ архіереевъ, происходятъ у нихъ на фабрикахъ открыто и торжественно, безъ всякихъ стѣсненій и опасеній. А именуемая «господствующею» православная церковь, не имѣя возможности воспрепятствовать всему этому, должна въ смиреніи и упованіи на одного Господа, пекушагося о ней, терпѣть укоризну и униженіе отъ поднявшаго гордую главу раскола... Правда, иной раскольникъ-фабрикантъ окажетъ даже особое, повидимому, вниманіе православной церкви, — для нѣсколькихъ тысячъ православныхъ, работающихъ у него, построитъ при своей фабрикѣ, даже обширную и благолѣпную, православную церковь, и досужіе друзья превознесутъ его похвалами, какъ человѣка, преисполненнаго чувствомъ вѣротерпимости, не только-де не враждебнаго православію, но и готоваго служить ему. Между тѣмъ все это дѣлается только для отвода глазъ и для вящшаго удобства пропагандировать расколъ, даже поставлять у себя на фабрикѣ раскольническихъ архіереевъ. Да и въ построенной имъ церкви православной хозяинъ-фабрикантъ хочетъ распоряжаться, какъ хозяинъ, — требуетъ, чтобы все дѣлалось такъ, какъ ему угодно (т.-е. въ интересахъ раскола), и приходитъ въ негодованіе, если его не слушаютъ столь же безпрекословно, какъ слушается юродивый Савватій...

Итакъ австрійская іерархія обогатилась еще лжееископомъ, который въ Сибири поставитъ множество раскольническихъ поповъ. Такъ подъ кровомъ потворствующихъ ей продажныхъ, забывшихъ Бога и совѣсть, чиновниковъ, начиная съ высшихъ и до низшихъ, отъ разныхъ правителей до урядника, растетъ и ширится на Руси эта фальшивая, законопреступная іерархія къ великому прискорбію всѣхъ истинно-православныхъ людей! А вмѣстѣ съ этимъ, благодаря потвор-

ству тѣхъ же правителей и того, подчиненнаго имъ, управленія, подъ надзоромъ котораго находится типографское дѣло въ столицѣ и внѣ столицы, раскольническіе гектографы и подпольные станки работаютъ безпрерывно, выпуская сотни и тысячи экземпляровъ все новыхъ и новыхъ раскольническихъ сочиненій противъ церкви, которыя досужими людьми изъ самихъ же раскольниковъ распространяются въ народѣ. Назовемъ тѣ изъ вновь явившихся раскольническихъ сочиненій, которыя извѣстны намъ. Швецовъ выпустилъ, напечатанную на гектографѣ, большую книгу подъ заглавіемъ: «Другопреемство рукоположенія, нисходящаго отъ святыхъ Апостоловъ, въ старообрядствующей іерархіи». Это новая, и конечно неудачная, попытка устранить неустранимое доказательство очевидной незаконности австрійскаго священства — двухсотлѣтнее лишеніе епископства. Швецовъ тщится доказать, что будто бы, напротивъ, нынѣшняя раскольническая іерархія имѣетъ другопреемство отъ самихъ Апостоловъ, и дѣйствительно представляетъ непрерывный рядъ православныхъ іерарховъ, отъ апостольскихъ преемниковъ до Константинопольскаго патріарха Григорія, за которымъ у него слѣдуютъ: Амвросій, Кириллъ, Антоній, Савватій. Досужій г. Швецовъ забылъ одно, что связываетъ въ дѣйствительности раздѣленное и несвязуемое, — забылъ, что, начиная съ современниковъ патріарха Никона до самаго Григорія, всѣ перечисленные имъ іерархи, по мнѣнію раскольниковъ и, конечно, по его собственному мнѣнію, были еретики, и что за все это время, по ихъ мнѣнію, не было на свѣтѣ ни одного православнаго епископа; забылъ и то, что Амвросій, переходя въ расколъ и проклявъ, въ чинопріятіи, греческую церковь, какъ еретическую якобы, чрезъ это самъ *порвалъ* свою связь съ тою церковію, въ которой получилъ поставленіе, и съ поставившимъ его патріархомъ Григоріемъ, самъ *отрѣзалъ* себя отъ общенія съ ними. Какъ же и чѣмъ Швецовъ соединяетъ порванное, отрѣзанное? Никакъ и ни чѣмъ. Да и соединить несоединимое ни какъ и ничѣмъ невозможно. Ясно, что попытка его доказать «другопреемственность» австрійской іерархіи отъ Апостоловъ и устранить указанное

противъ нея возраженіе — попытка тщетная. По всей вѣроятности, все это понимаетъ и самъ Швецовъ; но ему нужно во что̀ бы ни стало поддержать расколъ и австрійскую іерархію, — и вотъ онъ пишетъ свое лживое сочиненіе, чтобы утвердить въ преданности имъ темный народъ, довѣрчивый ко всему, что̀ говорятъ ему раскольническіе начетчики, и распространяетъ его сотнями среди этого несчастнаго народа. Кромѣ Швецова, Иголкина, Сюткина, Бриліантова, который впрочемъ можетъ только стихоплетствовать и сочинять гнусные «Райки», явился у раскольниковъ новый писатель, очень бойкій, свободно владѣющій перомъ, нѣкто Василій Механиковъ, состоящій попомъ въ Ростовѣ на Дону. Братчики напечатали на гектографѣ три слѣдующія, извѣстныя намъ, его сочиненія: 1) «Воззваніе къ бывшимъ братіямъ нашимъ по вѣрѣ», т.-е. бѣглопоповцамъ, 2) «Увѣщаніе къ противуокружникамъ» и 3) большую книгу въ 285 листовъ (малаго формата) подъ названіемъ «Историко-каноническое обозрѣніе старообрядческаго общества». Книгу эту раскольники австрійскаго согласія превозносятъ похвалами и автора ея ставятъ выше самого Швецова. Вотъ, намъ только извѣстныя, подпольныя изданія раскольниковъ, появившіяся въ самое недавнее время. И всѣ эти изданія свободно, во множествѣ распространяются разными братчиками повсюду среди раскольниковъ, а раскольническіе попы, существующіе во всѣхъ углахъ Россіи, даже обязаны имѣть ихъ для руководства въ собесѣдованіяхъ, и пріобрѣтаютъ ихъ за дорогую цѣну, — и на все это лица, власть имущія, смотрятъ сквозь пальцы.

А знаете ли, читатель, кому нельзя и не безопасно имѣть у себя подпольныя раскольническія сочиненія, такъ легко пріобрѣтаемыя? Нельзя и опасно имѣть тѣмъ изъ православныхъ, которые, читая ихъ, не могутъ увлечься къ переходу въ расколъ, а напротивъ понимаютъ ихъ ложь и способны обличить ее. Въ доказательство этого мы можемъ представить любопытный случай, бывшій не очень давно. Есть у насъ добрый знакомый, живущій въ селѣ Стружнѣ (Тверской губ., Новоторж. у.), Петръ Ивановичъ Мартыновъ, человѣкъ

весьма разумный, начитанный, обратившійся изъ раскола[1]) и со времени обращенія своего къ православной церкви ревностно защищающій ее противъ раскольническихъ нападеній. Онъ имѣетъ значительное собраніе противураскольническихъ сочиненій, даетъ ихъ читать старообрядцамъ и вступаетъ въ бесѣды по поводу прочитаннаго въ этихъ книгахъ. Въ первыхъ числахъ іюня нынѣшняго года одинъ изъ такихъ собесѣдниковъ — старообрядецъ принесъ ему изданную раскольническими братчиками, отпечатанную на гектографѣ, книжку, именно «Бесѣду Мельниковыхъ съ православными миссіонерами въ Новозыбковѣ», — просилъ прочитать ее и дать о ней отзывъ. П. И. Мартыновъ началъ дѣлать разборъ раскольнической книжки. Между тѣмъ явилась ему нужда уѣхать изъ дому, а въ его отсутствіе прибылъ въ Стружню по своимъ дѣламъ приставъ 1-го стана по Новоторжскому уѣзду г-нъ Никольскій (по фамиліи, должно быть, изъ духовнаго званія) въ сопровожденіи урядника. Г-нъ приставъ остановился въ домѣ Мартынова и, увидѣвъ въ его комнатѣ лежавшую на столѣ безцензурную книжку раскольническаго изданія, взялъ ее и увезъ съ собой. Возвратившись и не найдя книгу, Мартыновъ поѣхалъ къ уряднику спросить: кто и зачѣмъ взялъ у него со стола книгу. Урядникъ отвѣтилъ, что ее взялъ становой приставъ. Мартыновъ просилъ его сообщить становому, чтобы возвратилъ книгу. Прошло два мѣсяца, а книги нѣтъ. 1-го сентября Мартыновъ самъ поѣхалъ за 30 верстъ въ квартиру становаго пристава разузнать отъ него дѣло: приставъ отвѣтилъ, что книга представлена г-ну исправнику. А 9-го числа явился къ Мартынову урядникъ и, по распоряженію исправника, произвелъ ему допросъ: откуда взялъ онъ раскольническую книгу? Что будетъ дальше, доселѣ неизвѣстно. Можетъ быть начнется судъ, и такъ какъ отвѣтчикъ принадлежитъ къ церкви, а не раскольникъ, то будетъ, пожалуй, и осужденъ за имѣніе недозволенной цензурою книги. Вотъ

[1]) Поданные имъ предъ обращеніемъ изъ раскола „Вопросы“ Савватію и Духовному Совѣту напечатаны въ „Братскомъ Словѣ“ 1891 г. (т. II, стр. 140—147).

какъ опасно защитнику церкви имѣть подпольныя раскольническія книги для разсмотрѣнія и опроверженія ихъ[1])! А главные поставщики и распространители этихъ подпольныхъ, книгъ, Бриліантовъ и прочіе братчики, преспокойно благодушествуютъ въ Москвѣ и безпрепятственно занимаются своимъ преступнымъ дѣломъ, — торгуютъ ими свободно и очень бойко. Да если бы г-нъ Никольскій зашелъ къ живущему неподалеку отъ Стружни раскольническому попу Иголкину, у него увидѣлъ бы цѣлую библіотеку подпольныхъ раскольническихъ изданій, и многія изъ нихъ не въ одномъ экземплярѣ. Но раскольники, особенно раскольническій попъ, для полицейскаго чиновника, должно быть, особы неприкосновенныя; а отъ человѣкъ, обратившійся изъ раскола и обличающій расколъ, — лицо подозрительное, у него можно порыться на столѣ, взять незаконно напечатанную раскольническую книгу и, пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, привлечь его къ суду...

Боже милостивый! Ужели никогда не прекратится это покровительство расколу и сребренники, за которые продается святая церковь, всегда будутъ находить людей, готовыхъ протянуть къ нимъ руку, на погибель себѣ и своимъ присным?..

7. Кое-что о заграничныхъ раскольникахъ. — Аѳанасій и Анастасій. — Радостное событіе у московскихъ мнимоокружниковъ. — Конецъ тяжелаго года и нѣсколько скорбныхъ мыслей по сему поводу.

Не знаемъ, существуетъ ли на свѣтѣ, или опять скоропостижно умерла раскольническая убогая газетка Николы Чернышева, изъ «Старообрядца» превратившаяся въ «Древнюю Русь». Если существуетъ, то конечно занимается сообщеніемъ изъ-за границы разныхъ клеветъ на православное

[1]) Мы, впрочемъ, готовы охотно показать имѣющееся у насъ, хотя далеко неполное, собраніе этихъ подпольныхъ раскольническихъ изданій не только уряднику, или становому, а и самому его превосходительству г-ну Мсеріанцу съ его помощниками, при чемъ сами спросили бы ихъ: гдѣ печатаются всѣ эти клеветническія на православную церковь тетрадки и съ чьего разрѣшенія раскольники такъ широко пользуются гектографомъ?

русское духовенство и жалобами на стѣсненное будто бы положеніе старообрядчества въ Россіи, даже на гоненія, которымъ оно будто бы подвергается, вмѣсто того, чтобы сообщать россійскимъ старообрядцамъ свѣдѣнія объ ихъ заграничныхъ собратіяхъ, — о томъ, какъ они живутъ и что у нихъ творится. А для нашихъ россійскихъ старообрядцевъ это было бы назидательно: тронутые цивилизаціей и прогрессомъ, но въ то же время съ полной откровенностью и даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ рекомендующіе себя и властямъ и публикѣ «старообрядцами, пріемлющими священство», они познакомились бы съ чистокровными, нетронутыми старообрядцами, съ истыми представителями старообрядчества во всей его наготѣ, вѣрными и неуклонными послѣдователями ученій и преданій предковъ, тогда какъ наши, цивилизованные, совсѣмъ напрасно говорятъ о своей преданности этимъ завѣтамъ предковъ, напрасно носятъ и имя «старообрядца», которымъ готовы при случаѣ порисоваться. Правда, и на Руси, особенно въ глухихъ мѣстахъ, довольно этихъ чистокровныхъ «старообрядцевъ», — есть они и въ столицахъ и въ городахъ, между безпоповцами и противуокружниками; но за границей они все-таки сохранились повидимому лучше и составляютъ сплошныя раскольническія поселенія. Вотъ мы сообщимъ въ назиданіе нашимъ россійскимъ старообрядцамъ, какъ тверды доселѣ въ своей преданности ученіямъ предковъ, напр., добруджинскіе старообрядцы, знаменитые некрасовцы, жившіе прежде подъ турецкимъ, а теперь живущіе подъ румынскимъ владычествомъ.

Не дальше какъ нынѣшней осенью, по предложенію правительства, добруджинскіе старообрядцы должны были отвѣтить на три слѣдующіе вопроса: считаютъ ли они за грѣхъ: 1) вести метрическія записи, 2) отдавать дѣтей въ школу учиться между прочимъ и языкамъ, напр. румынскому, 3) подвергать дѣтей оспопрививанію? Вѣрные ученію и завѣтамъ предковъ, некрасовцы безъ всякаго колебанія отвѣтили, что все это грѣхъ, ибо все это противно ихъ закону и обряду, наслѣдованнымъ отъ предковъ, а потому и допустить всего

этого они не могутъ. Правительство подъ угрозой экзекуціи, потребовало отъ нихъ — представить изъ уважаемыхъ ими старыхъ церковныхъ книгъ свидѣтельства, подтверждающія ихъ отвѣтъ, т.-е., что употребленіе метрикъ, обученіе языкамъ и оспопрививаніе дѣйствительно воспрещаются церковными законами и составляютъ грѣхъ. О томъ, что предки считали тяжкимъ грѣхомъ вести метрики и прививать оспу ребятишкамъ и что поэтому слѣдуетъ считать все это грѣхомъ, некрасовцы знали хорошо; а доказать книгами, что это грѣхъ, разумѣется, не могли. Они разсудили, и справедливо разсудили, что отъ книгъ долженъ отвѣтить за нихъ ихъ архіепископъ, о чемъ и дали знать правительству. Получивъ такой отзывъ, правительство румынское, дѣйствительно, обратилось съ указанными выше вопросами къ нынѣшнему Славскому архіепископу Принарху. Дѣло было такого рода, что надъ нимъ крѣпко задумался бы и самъ знаменитый Аркадій Славскій, при всемъ его умѣ, начитанности и ловкости. Гдѣ же было справиться съ такимъ дѣломъ Иринарху, человѣку крайне ограниченному, какъ и всѣ нынѣшніе раскольническіе «владыки»? Но есть у Иринарха ловкій и смѣлый архидіаконъ, нѣкій отецъ Тавріонъ, должно быть, управляющій за «владыку» его архіепископіей: посовѣтовавшись съ мѣстными румынскими чиновниками, онъ убѣдилъ Иринарха дать отвѣтъ, какого желаетъ правительство, т.-е. что въ веденіи метрикъ, обученіи языкамъ и прививаніи оспы нѣтъ никакого грѣха. Въ такомъ смыслѣ и былъ дѣйствительно написанъ отвѣтъ; Иринархъ съ Тавріономъ подписали его и онъ былъ немедленно препровожденъ въ Бухарестъ. Когда некрасовцы узнали объ этомъ, пришли въ неописанное волненіе, — возмутились всѣ ихъ селенія, къ Иринарху и Тавріону явились съ угрозами, что если не откажутся они отъ своего отвѣта, то ихъ выгонятъ изъ архіепископіи. Но, какъ мы сказали, подписанный Принархомъ документъ былъ уже въ Бухарестѣ, и злополучный «владыка» ничего не могъ сдѣлать. Тогда некрасовцы рѣшились отправить депутацію въ Бухарестъ, чтобы передѣлать дѣло. Собрали денегъ и вручили депутатамъ на хло-

поты. Эти послѣдніе наняли въ Бухарестѣ адвоката и чрезъ него подали прошеніе объ освобожденіи некрасовцевъ отъ веденія метрикъ, отдачи дѣтей въ школы и привитія имъ оспы, а также — чтобы правительство удалило отъ нихъ Иринарха Славскаго съ его архидіакономъ, какъ людей вредныхъ, нарушающихъ ихъ исконные, старинные уставы, — при этомъ въ своемъ прошеніи они заявляли, что скорѣе всѣ поголовно переселятся въ Америку, нежели примутъ предложенные правительствомъ три пункта. Изъ Бухареста некрасовскихъ депутатовъ прогнали. Но некрасовцы не унимаются, и вотъ уже три мѣсяца, какъ происходятъ у нихъ сильныя волненія, — съ «владыкой» и его архидіакономъ грозятъ расправиться по-своему (а расправа дунайскихъ казаковъ извѣстна). Впрочемъ у нихъ есть еще надежда поправить дѣло, подкупивъ — какъ это дѣлаютъ обыкновенно россійскіе раскольники, — одного изъ большихъ чиновниковъ, ибо румынское чиновничество продажно не менѣе россійскаго и австрійскаго. Имѣющій вліяніе на ихъ дѣло одинъ «большой бояринъ» (боеръ мари), должно быть въ родѣ правителя канцеляріи, дѣйствительно взялъ съ нихъ тысячу гульденовъ (по-русски это не много, — у насъ берутся съ раскольниковъ такія ли суммы!), и обѣщалъ задержать дѣло о метрикахъ, школахъ и оспопрививаніи. Такъ вотъ какъ поступаютъ истые старообрядцы, настоящіе хранители преданій своихъ предковъ, — скорѣе готовы бѣжать въ Америку, нежели поступиться этими преданіями! Между ними и нашими либеральными раскольниками только и сходства, что въ привычкѣ подкупать чиновниковъ. Но кто изъ нихъ хуже, трудно рѣшить, — полагаемъ, что наши, только проповѣдующіе о своей вѣрности ученію предковъ, а на самомъ дѣлѣ измѣняющіе имъ на каждомъ шагу.

Читатели наши не забыли, конечно, знаменитое письмо Анастасія Измаильскаго къ Силуану о черкесскихъ трупахъ, распространенныхъ между раскольниками подъ названіемъ мощей, на которыхъ австрійскіе попы служатъ свои литургіи; не забыли, полагаю, и того, что по напечатаніи этого письма

Анастасій готовъ былъ отречься отъ него и обвинить «никоніянъ», что якобы они напечатали подложное, своего сочиненія, письмо, какого онъ, Анастасій, не писалъ. Но мы можемъ представить теперь новое доказательство того, что Анастасій несомнѣнно смущался распространеніемъ мнимыхъ мощей между старообрядцами, и дѣйствительно писалъ объ нихъ Силуану. Въ началѣ истекающаго года, по предварительному условію съ нынѣшнимъ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ, онъ имѣлъ съ этимъ послѣднимъ свиданіе въ Яссахъ, именно для соборнаго разсужденія о черкесскихъ трупахъ, или костяхъ, выдаваемыхъ за мощи святыхъ. Для соборнаго совѣщеніе надлежало бы пригласить по крайней мѣрѣ заграничныхъ раскольническихъ епископовъ — Иринарха Славскаго и Алимпія Тульчанскаго; но предметъ разсужденія былъ такъ щекотливъ для раскола, что Аѳанасій и Анастасій предпочли составить двуличный соборъ, т.-е. изъ двухъ собственныхъ особъ. На этомъ соборѣ (какъ оказалось изъ разсказовъ самихъ его членовъ) Анастасій доказывалъ нужду—изъять изъ употребленія мнимыя мощи; Аѳанасій также признавалъ, что надобно положить конецъ этому кощунству. Но оба «владыки» понимали и то, какой соблазнъ возбудится въ расколѣ, если объявить, что досели австрійскіе попы служили обѣдни на магометанскихъ трупахъ вмѣсто мощей. Ложный страхъ соблазна восторжествовалъ надъ голосомъ долга и справедливости, — и усоборовали: возложить это дѣло на судьбы Божіи, — пусть австрійскіе попы служатъ на черкесскихъ трупахъ, вѣруя, что служатъ на мощахъ, пусть и всѣ старообрядцы такъ же вѣруютъ: вѣра-де и татарскія кости можетъ превратить въ мощи святыхъ! Таково было мудрое рѣшеніе этого двуличнаго собора, страшно боявшагося произвести соблазнъ въ старообрядчествѣ провозглашеніемъ истины о мнимыхъ мощахъ. Но, увы, соблазна-то и не избѣжали эти мудрецы! У насъ, на Руси, изъ напечатаннаго Анастасіемъ письма теперь всѣмъ извѣстно, какія мощи распространены Антоніемъ среди старообрядцевъ австрійскаго согласія: изъ этого же письма узнали правду о мнимыхъ мощахъ и заграничные

старообрядцы. 1-го октября праздновали храмовой праздникъ въ Бѣлокриницкой митрополіи и, по обычаю, въ крестномъ ходѣ носили вокругъ церкви ковчегъ съ мощами мученика Гаведдая, присланными и въ митрополію все тѣмъ же Антоніемъ Шутовымъ; а на другой день получена была копія Анастасіева письма, изъ коего оказалось, что въ крестномъ ходу носили вокругъ церкви не святыя мощи, а кости магометанъ... Праздникъ превратился въ плачъ. Соблазнъ, — котораго такъ желали избѣгнуть Аѳанасій и Анастасій, — соблазнъ произошелъ великій...

И можно ли не соблазняться такими безобразными и кощунственными явленіями въ расколѣ старообрядцамъ, имѣющимъ хоть немного совѣсти и истинно-религіознаго чувства? Только тѣ изъ нихъ, которые держатся старообрядчества не по убѣжденію, а изъ корыстныхъ расчетовъ, ради наживы, для которой готовы пожертвовать и истиной, и своей совѣстью, и своимъ вѣчнымъ спасеніемъ, — только тѣ не способны смущаться никакими вопіющими безобразіями раскола, — и таковы вопервыхъ здѣшніе, московскіе главари его, и первѣе всѣхъ эти пресловутые братчики, Бриліантовы, Боевы, Антоны Егоровы. Ихъ ничто въ расколѣ не смущаетъ, — лишь бы только получать деньги отъ кого слѣдуетъ. А теперь ктому же они ликуютъ великую побѣду и съ торжествомъ могутъ считать себя дѣйствительною и чуть не главною властью въ австрійщинѣ, къ чему собственно и стремились съ давняго времени.

Извѣстно, что Савватій и Духовный Совѣтъ относились весьма непріязненно къ Братству, такъ что поповъ, которые дерзнули бы вступить въ Братство, или показать какое-либо сочувствіе ему, напр. служеніемъ молебна, опредѣлено было подвергать наказанію; съ своей стороны и Братство не скрывало своего негодованія на такое къ нему отношеніе раскольнической духовной власти. Въ доказательство этихъ непріязненныхъ между ними отношеній мы могли привести много имѣющихся у насъ документовъ [1]). И такъ, цѣлыхъ

[1]) Ограничимся на сей разъ однимъ, но такимъ, на которомъ находится собственноручная подпись Савватія, слѣдовательно подлин-

десять лѣтъ тянулась вражда, то открытая, то негласная, между раскольническимъ Братствомъ съ одной стороны и Духовнымъ раскольническимъ Совѣтомъ — съ другой. Но вотъ теперь, не очень давно, совершилось примиреніе между ними, или, точнѣе сказать, Савватій съ своимъ Духовнымъ Совѣтомъ, т.-е. вся духовная власть австрійскаго раскола, смиренно преклонились передъ Братствомъ, признавъ его силу. Эта сила заключается именно въ той широкой, совершенно противозаконной, но не преслѣдуемой благосклонными правительственными чинами, подпольной издательской дѣятельности, Братства, — въ томъ непрерывномъ печатаніи и распространеніи наполненныхъ ложью и клеветами на православную церковь раскольническихъ сочиненій, которымъ Братство попреимуществу занимается и о которомъ мы многократно говорили, съ крайнимъ негодованіемъ на преступное потворство этимъ подпольнымъ печатникамъ и книгопродавцамъ со стороны вѣдомства, надзирающаго за типографскимъ дѣломъ въ Моск-

---

нымъ. Это состоявшееся 9 іюля 1886 г. за № 88 „Старообрядческаго архіепископа Савватія Московскаго священникамъ и діаконамъ находящимся въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ извѣщеніе“. Сіе не очень грамотное извѣщеніе гласитъ такъ отъ слова до слова: „Поелику въ нашемъ градѣ отъ нѣкіихъ христіанъ и частію освященныхъ, кромѣ архипастырскаго благословѣнія до сего времени учиняли собраніи, каковые и называли себя «Братствомъ святаго и животворящаго креста Господня» устроили предсѣдательство и членовъ, каковое ихъ дѣйствіе, мы почитаемъ незаконнымъ и не согласнымъ каноническимъ правиламъ (14 пр. шест. всел. собора). Въ слѣдствіе чего симъ извѣщаю васъ: если кто отселѣ изъ священныхъ, будетъ участвовать въ непозволенномъ сборище упомянутыхъ братчиковъ, или служить (по ихъ просьбѣ) панихиды или молебны въ честь Братства, тогда наше смиреніе всѣхъ таковыхъ участниковъ подвергнетъ запрещенію объ священнослуженія или переселитъ изъ Москвы на иное жительство. *Смиренный Савватій архіепископъ Московскій*“.

Это есть, очевидно, циркулярное „извѣщеніе“, — мы имѣемъ его даже въ двухъ экземплярахъ, и оба съ собственноручной подписью Савватія (одинъ остался послѣ о. Исихія). Имѣемъ и писанную уставомъ „Докладную записку“ братчиковъ, на имя Савватія, отъ 19 янв 1886 г. подъ которой подписались: предсѣдатель А. Боевъ. члены: М. Бриллантовъ. И. Лялинъ.

вѣ. Этой-то беззаконной, на преступленіи и потворствѣ продажнаго чиновничества основанной, силѣ Братства подчинилась наконецъ, доселѣ враждебная ему, раскольническая духовная власть, — Братство не только признано ею, но и поступило подъ ея покровительство, такъ что теперь и Савватія съ его Духовнымъ Совѣтомъ мы должны считать соприкосновенными къ преступной дѣятельности противозаконно открытаго и существующаго раскольническаго Братства, за которую рано или поздно послѣдуетъ же наконецъ достойная кара. Итакъ г-да братчики, разные Бриліантовы, Боевы, Антоны и имъ подобные темные дѣятели раскола, торжествуютъ побѣду и пріобрѣтеніе новой силы, новаго значенія въ расколѣ. Теперь, надобно полагать, они поведутъ еще шире свою преступную дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ (и это главное для нихъ) еще лучше устроятъ свои личныя дѣла, что̀ и примѣтно уже на торговлѣ Брилліантова и наружности юродиваго Антона.

Вообще, расколъ, и особенно московскій, процвѣтающій, какъ никогда, подъ нѣжнымъ попеченіемъ благосклонной къ нему власти, прощаясь съ истекающимъ годомъ, можетъ назвать его однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и радостныхъ для него. И какой же годъ? — годъ, который будетъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ Россіи, какъ одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ для нея, — годъ, когда ей суждено было понести одну изъ самыхъ горестнѣйшихъ потерь, когда православный русскій народъ, при сочуствіи всего просвѣщеннаго міра, оплакалъ горькими слезами кончину великаго Царя, подобнаго которому рѣдко видала святая Русь, величавый и кроткій образъ котораго навѣки запечатлѣется въ народной памяти... Да, этотъ кончающійся теперь, годъ былъ годомъ великаго испытанія, великаго горя для насъ, православныхъ русскихъ людей, — горя, всю необъятность котораго нельзя еще понять и выразить; но, видно, то, что̀ составляетъ горе для православнаго русскаго народа, есть радость для нашихъ раскольниковъ, хотя называющихъ себя русскими, — по крайней мѣрѣ не чувствуется ими, какъ народное горе, не вызы-

ваетъ въ ихъ, изсохшемъ отъ раскола, сердцѣ скорбныхъ и молитвенныхъ чувствъ. Тяжело говорить, но нужно сказать' и надлежало бы сказать вслухъ всего міра, что въ то время, какъ весь православный русскій народъ, плача и рыдая, молился о упокоеніи со святыми праведной души въ Бозѣ почившаго Государя, когда повсюду молились за него, каждый по-своему, люди инославныхъ исповѣданій и даже нехристіанскихъ религій, одни только наши раскольники, называющіе себя русскими людьми, не нашли возможнымъ помолиться за скончавшагося православнаго русскаго Царя, и даже эти привилегированные «старообрядцы пріемлющіе священство», (т.-е. ложное австрійское священство), — даже эти ихъ многочисленные архіереи и безчисленные попы австрійскаго происхожденія не отслужили ни одной панихиды, ни разу не помолились о почившемъ Великомъ Государѣ! великолѣпные храмы знаменитаго своимъ богатствомъ и развратомъ Рогожскаго Кладбища ни разу не огласились надгробнымъ Ему пѣніемъ! — ибо это было бы, по ихъ изувѣрному и безумному мнѣнію, осквернѣніемъ ихъ храмовъ, и каждый изъ нихъ помолившись за скончавшагося православнаго Царя, подлежалъ бы отлученію, или, по крайней мѣрѣ, тяжелой епитиміи... Должно быть, не только священство у нихъ австрійское, но австрійскою сдѣлалась у нихъ и душа! А между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не находили дозволительнымъ и возможнымъ молиться за почившаго православнаго Царя, съ возмутительнымъ лицемѣріемъ участвовали въ печальныхъ погребальныхъ церемоніяхъ. Для истино-православныхъ русскихъ людей особенно прискорбно, невыносимо тяжело было видѣть, что даже въ самый день погребенія Государя Императора въ Петропавловскомъ соборѣ, куда не имѣли доступа большинство членовъ отовсюду прибывшихъ депутацій, — лица не только православныя, но и занимающія высокое общественное положеніе, — что даже и здѣсь, среди самыхъ избранныхъ особъ, занимали видное мѣсто *всѣ четыре* московскіе раскольника Австрійской секты, прибывшіе собственно для представленія новому Государю

въ качествѣ депутатовъ отъ «старообрядцевъ Австрійскаго священства» (къ каковому представленію и были потомъ допущены, о чемъ, въ назиданіе православнымъ, было даже возвѣщено въ газетахъ). Какимъ же образомъ и зачѣмъ оказались здѣсь, *на мѣстѣ святѣ,* за торжественнымъ православнымъ богослуженіемъ у гроба Царя-Праведника, эти люди, которые считаютъ тяжкимъ грѣхомъ молиться втѣстѣ съ православными и, конечно, во все время службы ни разу не перекрестили лба, — эти люди, которые почли такимъ тяжкимъ грѣхомъ отслужить хотя бы одну панихиду по скончавшемся православномъ Царѣ? За чѣмъ они здѣсь? Конечно за тѣмъ, чтобы удовлетворить своему праздному любопытству и тщеславію, да вмѣстѣ поглумиться надъ православнымъ богослуженіемъ. А какъ они попали сюда? — это знаютъ тѣ, которые ввели ихъ, или, вѣрнѣе, тѣ, по чьему ходатайству и представленію они введены сюда. Но если въ нагломъ и невѣжественномъ раскольникѣ понятны и праздное любопытство и тщеславное желаніе проникнуть туда, куда имѣли доступъ только самыя высокопоставленныя лица (чѣмъ можетъ онъ похвастаться предъ своими) и кощунство надъ православнымъ, по его «никоніянскимъ», богослуженіемъ, за которымъ онъ ни разу не перекрестилъ своего лба (о чемъ также не преминулъ, конечно, сообщить своему владыкѣ Саватѣю, дабы не подвергнуться епитиміи), если все это понятно въ невѣждѣ-раскольникѣ, то какъ понять и чѣмъ объяснить дѣйствія тѣхъ лицъ, которыя ввели этихъ ругателей православной святыни на *мѣсто свято,* въ православный храмъ, ко гробу православнаго Царя? Ужели не знали они кого вводятъ сюда? Ужели не знали, что вводятъ людей, гнушающихся православными храмами и православнымъ богослуженіемъ, людей, — считающихъ тяжкимъ грѣхомъ молиться за почившаго православнаго Царя? Если не знали, то и это незнаніе, мы полагаемъ, не можетъ служить оправданіемъ для людей, завѣдующихъ сими дѣлами. Они обязаны знать, что́ такое расколъ и раскольники, — обязаны знать о раскольническихъ воззрѣніяхъ на православную церковь и православнаго Царя; а знавши это, они

должны понять, что допущеніемъ раскольниковъ на торжественное богослуженіе при погребеніи въ Бозѣ почившаго Государя наносится оскорбленіе и православной церкви, и памяти православнаго русскаго Царя, и религіозному чувству многомилліоннаго православнаго русскаго народа. Оскорблять же религіозное чувство православнаго русскаго народа въ угоду раскольникамъ едва ли безопасно, о чемъ власть имущіе должны знать и помнить лучше насъ. Итакъ, если тѣ, кто ввелъ раскольниковъ въ Петропавловскій соборъ на погребеніе въ Бозѣ почившаго Императора, не вѣдали, что̀ творятъ, и тогда, за это невѣдѣніе, они подлежатъ отвѣтственности предъ Богомъ и предъ людьми, ибо *могли* и *должны были* вѣдать, что̀ творятъ. А если творилось это вѣдомо, или по указанію и вліянію властей, вѣдающихъ, что̀ творятъ, желавшихъ сдѣлать именно угодное раскольникамъ, — если и здѣсь вся сила въ тѣхъ же проклятыхъ іудиныхъ сребренникахъ, то страшно и подумать, какой грѣхъ берутъ на свою душу эти властные люди...

Но какихъ бы властныхъ покровителей ни имѣлъ расколъ, мы смѣло, во всеуслышаніе скажемъ, — и желали бы, чтобы насъ слышала вся православная Русь отъ конецъ и до конецъ ея, — скажемъ, что наши раскольники покрыли себя вѣчнымъ позоромъ, отказавшись помолиться о упокоеніи души даже такого православнаго русскаго Царя, каковъ былъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Александровичъ. И особенно да падетъ этотъ позоръ за оскорбленіе памяти Царя-Праведника на лицемѣрныхъ раскольниковъ Австрійскаго согласія, — на этихъ Савватіевъ, на этихъ безчисленныхъ австрійскихъ лжепоповъ, на этихъ вселукавѣйшихъ «братчиковъ», на покровительствующихъ всей этой австрійщинѣ раскольническихъ милліонеровъ и на купленныхъ раскольническимъ золотомъ чиновныхъ покровителей раскола!..

А о Тебѣ, нашъ незабвенный православный Царь, и послѣ праведной кончины Твоей оскорбляемый раскольниками, сохранитъ *вѣчную память* весь православный русскій народъ, такъ любившій Тебя, такъ облагодѣтельствованный Тобою и такъ благодарный Тебѣ!